

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2025 №4

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель
Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор
Е. В. Шишмарева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора
О. В. Горбач, канд. экон. наук (г. Иркутск)

Ответственный секретарь
О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Редакционный совет:
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)
Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
О. В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Е. В. Кузнецов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Л. А. Петрякова, преподаватель (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:
664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis@law.isu.ru
website: exlegis.ru
Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

Содержание

Бирюкова А. О. Взаимодействие органов прокуратуры с другими органами публичной власти	2
Гордеева Н. В. Особенности судебной речи в разных видах судопроизводства	5
Зябкина А. А. Экстремистские организации и их роль в террористических актах и других насильственных действиях	10
Катрыч У. В. Правовые акты представительных органов местного самоуправления	14
Кистенев Е. А. Уголовно-правовые меры противодействия использованию генеративного искусственного интеллекта для создания и распространения запрещенного контента	19
Митрофанов М. Д., Чикунев А. А. Анализ и оценка соответствия российской правоприменительной практики положениям международных конвенций в сфере охраны озера Байкал	22
Парфенова Т. В. Некоторые проблемы реализации главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ	30
Перевозников Е. Д. Исключение участника из состава участников общества как способ решения корпоративного конфликта в Российской Федерации	35
Сандаков Л. Д. О вопросе возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела	41
Худилова Д. В. Профессиональный контроль за деятельностью нотариусов: п роблемы осуществления	44

Взаимодействие органов прокуратуры с другими органами публичной власти

© Бирюкова А. О., 2025

А. О. Бирюкова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Nastasya.biryukova.2024@mail.ru

Научный руководитель:

Н. Э. Шишкина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Shishkina1957@rambler.ru

Аннотация. Проводится анализ взаимодействия органов прокуратуры с иными структурами публичной власти в контексте обеспечения законности и защиты прав граждан. Рассматриваются ключевые направления и формы межведомственной координации, проблемные аспекты и перспективные направления развития институционального взаимодействия в системе государственной власти.

Ключевые слова: органы публичной власти, взаимодействие, координация действий, законность.

Прокуратура выступает системообразующим элементом механизма обеспечения законности в российской правовой системе. В структуре государственного устройства органы прокурорского надзора реализуют специфические контрольно-надзорные полномочия в отношении исполнительных и законодательных органов власти, а также осуществляют мониторинг исполнения судебных актов. На основании действующего законодательства прокуратура наделена особым правовым статусом, интегрирующим функции судебного контроля и административного надзора [4].

В современной правовой доктрине институт прокуратуры рассматривается не только через призму функций государственного обвинения в уголовном судопроизводстве, но и в качестве фундаментального механизма защиты конституционных прав граждан. Процессуальная независимость органов прокурорского надзора выступает определяющим фактором результативности надзорной деятельности при одновременном сохранении системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях с иными властными структурами. Исследование правового статуса прокуратуры в контексте принципа разделения властей, специфики межведомственных взаимодействий приобретает существенное значение для модернизации законодательства и правовой системы Российской Федерации. Реализация указанного подхода способствует укреплению конституционной законности и повышению эффективности судебной власти [6, с. 113].

В конституционно-правовой системе разделения властей прокуратура занимает уникальное положение, обеспечивая межинституциональное взаимодействие различных ветвей государственной власти. Специфика правового статуса органов прокурорского надзора заключает-

ся в отсутствии прямого подчинения какой-либо ветви власти при одновременном осуществлении координационных функций в сфере обеспечения законности. Особый конституционно-правовой статус прокуратуры проявляется через реализацию надзорных полномочий в отношении иных властных структур. Анализ механизмов взаимодействия прокуратуры с государственными органами требует углубленного исследования фундаментальных принципов разделения властей как основы правового государства [8, с. 120].

Фундаментальными принципами конституционного механизма разделения властей выступают институциональная автономность властных структур, эффективная реализация установленной компетенции и функционирование системы сдержек и противовесов. Органы прокуратуры обеспечивают поддержание конституционного баланса посредством осуществления надзорных полномочий в отношении всех ветвей государственной власти.

Правовой статус прокуратуры характеризуется процессуальной независимостью при одновременном осуществлении координационных функций во взаимодействии с законодательными, исполнительными и судебными органами. Координационные полномочия прокуратуры в системе межведомственного взаимодействия подтверждают конституционно-правовую обоснованность интеграции надзорного органа в механизм разделения властей.

Реализация надзорных функций прокуратуры направлена на обеспечение конституционной законности и правопорядка. Компетенция органов прокурорского надзора охватывает контроль законности деятельности государственных органов и защиту прав граждан. Через механизмы межведомственного взаимодействия

прокуратура реализует превентивную функцию в сфере противодействия правонарушениям.

На основании вышеизложенного органы прокуратуры, сохраняя институциональную автономность, выступают системообразующим элементом механизма разделения властей, обеспечивая координацию деятельности государственных органов и соблюдение законности на всех уровнях публичной власти [9, с. 40].

Процессуальная независимость органов прокуратуры выступает основополагающим принципом функционирования системы правосудия в Российской Федерации. Конституционно-правовой статус прокуратуры обеспечивает автономность принятия решений при осуществлении надзорных полномочий, однако практическая реализация указанного принципа сопряжена с определенными правоприменительными проблемами [5, с. 233].

Нормативно-правовую основу независимости прокурорского надзора составляют положения Конституции РФ и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Законодательное закрепление принципа подчинения исключительно закону исключает возможность административного воздействия со стороны органов исполнительной и законодательной власти, обеспечивая реализацию публичных интересов и защиту конституционного строя [1; 2].

Нормативное закрепление принципов функционирования прокурорского надзора создает правовую основу для реализации контрольно-надзорных полномочий в сфере обеспечения законности. Правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем, создающих риски для процессуальной независимости органов прокуратуры. К числу существенных факторов относятся вопросы материально-технического обеспечения и финансирования надзорной деятельности, оказывающие влияние на результативность прокурорского надзора.

Особую актуальность приобретают проблемы внешнего воздействия на принятие процессуальных решений органами прокуратуры. Механизм формирования кадрового состава прокурорских работников, включая процедуры назначения и освобождения от должности, подвержен влиянию административно-управленческих факторов, создающих угрозу институциональной автономности прокуратуры. Минимизация указанных рисков требует совершенствования правового механизма обеспечения независимости органов прокурорского надзора.

Процессуальная независимость органов прокуратуры находится в системной взаимосвязи с правоприменительной практикой судебных органов. Судебный контроль выступает ключе-

вым механизмом обеспечения законности при реализации прокурорских полномочий. Баланс между эффективностью судебного надзора и автономностью прокурорской деятельности требует четкой правовой регламентации процессуальных взаимоотношений между судебными инстанциями и органами прокуратуры.

Правоприменительная практика формирует правовые границы реализации надзорных полномочий прокуратуры, обеспечивая соблюдение конституционной законности. Институциональная независимость прокурорского надзора выступает фундаментальным условием объективности и беспристрастности надзорной деятельности. Совершенствование нормативно-правового механизма защиты процессуальной автономии прокуратуры от внешнего воздействия требует системного подхода к преодолению существующих правоприменительных проблем [7, с. 52].

Надзорная деятельность прокуратуры играет ключевую роль в обеспечении правомерности законотворческого процесса. Специализированные подразделения прокуратуры проводят комплексную юридическую оценку законопроектов, анализируют действующие нормативные акты для выявления противоречий между правовыми нормами и случаями ущемления конституционных прав населения. Упреждающий характер прокурорского контроля позволяет существенно снизить вероятность законодательных ошибок при формировании нормативной базы.

Эффективное сотрудничество прокуратуры с органами законодательной власти создает благоприятные условия для совершенствования правовых механизмов регулирования общественных отношений. Надзорные функции прокуратуры охватывают проверку соответствия закону деятельности представительных и административных органов государственного управления.

Прокурорские структуры реализуют масштабный комплекс мероприятий по мониторингу правомерности функционирования государственного аппарата, защите конституционных гарантий граждан, проверке соответствия управленческих решений законодательно установленным полномочиям. Выявленные факты противоправных действий служат основанием для запуска процедур служебных расследований либо возбуждения уголовных дел. Налаженная система координации различных ведомств позволяет максимально эффективно обнаруживать нарушения законодательства и поддерживать режим законности в административной сфере.

Взаимодействие прокуратуры с судебной системой характеризуется многоаспектностью процессуальных полномочий. Помимо поддержания государственного обвинения, прокурор-

ский надзор включает контроль законности судебных актов с правом обжалования в апелляционном и кассационном порядке. Процессуальные функции прокуратуры распространяются на мониторинг исполнения судебных решений. Координация деятельности прокуратуры и судебных органов обеспечивает соблюдение конституционной законности в правоприменительной практике [3].

Процессуальный суверенитет прокурорских органов успешно интегрируется в существующую модель межструктурной коммуникации государственного аппарата. Реализация контрольных функций прокуратуры предполагает достижение оптимального соотношения между самостоятельностью надзорной работы и согласованными действиями различных государственных институтов в правоохранительной сфере.

Надзорная функция органов прокуратуры в муниципальных образованиях направлена на защиту законных интересов населения и пресечение противоправных действий в структурах местной администрации. Анализ практического

опыта надзорной работы прокуратуры выявляет комплекс фундаментальных проблем, препятствующих полноценной реализации поставленных перед этим органом задач. Ключевое значение в этом аспекте приобретают несовершенства законодательства, порождающие противоречия при практическом применении надзорных полномочий прокуратуры. Существенное снижение качества надзорной деятельности наблюдается вследствие нехватки профессиональных кадров. В связи с этим оптимизация повседневной деятельности прокуратуры предполагает модернизацию нормативной базы, расширение ресурсного потенциала подразделений для полноценной реализации установленных законом полномочий.

Представляется, что только гармоничное сочетание процессуальной самостоятельности прокурорских подразделений с налаженной системой межведомственных коммуникаций может выступать прочной основой реализации конституционных принципов и обеспечения общественного правопорядка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.10.2025).
2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (дата обращения: 28.10.2025).
3. О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления : приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 584 (ред. от 20.02.2024) (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456458/ (дата обращения: 28.10.2025).
4. Арзютова Д. А. К вопросу о роли прокуратуры в единой системе публичной власти // Молодой ученый. 2023. № 25 (472). С. 156–160.
5. Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор. М. : Юрайт, 2023. 555 с.
6. Семенов А. С. Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти в сфере обеспечения законности // Обеспечение законности в Российской Федерации : материалы науч. конф. Москва, 15 марта 2022 г. М. : МосГУ, 2012. С. 113–114.
7. Фомичева О. А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 50–55.
8. Шалумов М. С. Система функций российской прокуратуры. Кострома, 2024. 139 с.
9. Шишкин С. И., Огородов А. Н. К вопросу о месте органов прокуратуры в системе органов публичной власти Российской Федерации // Сибирский юридический вестник 2023. № 4. С. 36–41.

Особенности судебной речи в разных видах судопроизводства

© Гордеева Н. В., 2025

Н. В. Гордеева

Магистрант 2-го года обучения, Новосибирский государственный университет экономики и управления, e-mail: nadejda410@gmail.com

Научный руководитель:

Е. А. Ерохина, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, e-mail: e.a.erohina@edu.nsuem.ru

Аннотация. Представлено исследование особенностей ораторского мастерства в различных видах судебного процесса. Автор рассматривает судебную речь как специфическую форму публичного выступления, функционирующую в рамках строго регламентированной процессуальной среды и играющую ключевую роль в формировании внутреннего убеждения суда. В рамках исследования, проводимого в данной статье, представляется целесообразным проследить, как менялось судебное производство, а также как формировались особенности судебной речи в разных видах судопроизводства в течение последних 100 лет, что, безусловно, интересно с научной точки зрения. Проводится сравнительный анализ риторических подходов в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве. Показано, что в уголовном процессе судебная речь характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью, где защитник апеллирует к гуманистическим ценностям и психологическому воздействию, а обвинитель придерживается строгой логической последовательности и фактической обоснованности. В гражданском процессе преобладает сдержанная деловая манера изложения с акцентом на точности правовых формулировок и детальном анализе норм материального права. Арбитражное судопроизводство отличается максимальной формализацией речи, использованием специализированной терминологии и синтезом юридической аргументации с экономическим обоснованием. Автор приходит к выводу, что эффективность судебного выступления зависит от способности оратора адаптировать риторическую стратегию к специфике конкретного процессуального контекста, сочетая профессиональную компетентность с языковым мастерством для достижения целей правосудия.

Ключевые слова: судебная речь, ораторское искусство, процессуальные особенности, убеждение, эмоциональное воздействие, правовой анализ, судебное разбирательство.

Ораторское мастерство в судебном процессе является собой уникальную разновидность публичного выступления, которое развивается и функционирует в условиях жестко структурированной процессуальной среды с ее неукоснительными требованиями и ограничениями. Являясь фундаментальным элементом состязательной системы правосудия, такое выступление играет центральную роль в процессе формирования внутреннего убеждения суда, активно задействуя многообразие способов воздействия на правовое сознание всех лиц, принимающих участие в судебном заседании.

Целесообразно начать исследование с обзора того, как менялось судебное производство на протяжении 100 лет и какие особенности приобрел жанр судебной речи. С приходом в 1917 г. к власти большевиков был создан революционный пролетарский суд с целью борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Риторика судебной речи в тот период была очень жесткой и ограниченной. Конституция СССР 1936 г. провозглашала выборность судей и народных заседателей, участие народных заседателей при рассмотрении дел во всех судах, ведение судопроизводства на национальном языке, открытость судебного разбирательства, обеспечение обвиняемому права на защиту,

независимость судей и подчинение их только закону [6]. Однако объявленные принципы носили исключительно формальный характер. Поэтому судебная речь как специфическая форма публичного выступления должного развития не получала.

В 1970 г. было восстановлено Министерство юстиции СССР, выполнявшее функции по организации деятельности судов, шел период развитого социализма, ставший временем совершенствования судебной речи.

С 1993 г. в Российской Федерации правосудие реализуется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Специфика каждого вида судопроизводства обуславливает своеобразные черты публичного выступления в суде, что неизбежно находит свое отражение в тщательном отборе языковых инструментов, в особенностях построения доказательной базы и в общей концепции воздействия на аудиторию.

В рамках *уголовного судебного разбирательства* публичное выступление обретает исключительную эмоциональную насыщенность, что непосредственно связано с серьезностью возможных последствий для лица, которому предъявлено обвинение в совершении преступления. Выступ-

ление защитника, которое базируется на фундаментальных основах презумпции невиновности, отличается повышенной эмоциональной окраской, что позволяет применять богатый арсенал выразительных языковых приемов с целью формирования благоприятного восприятия личности подзащитного со стороны суда и участников процесса. Проводя тщательное исследование всех обстоятельств рассматриваемого дела, адвокат направляет свои усилия на обнаружение внутренних противоречий в позиции стороны обвинения, при этом особо подчеркивая наличие обстоятельств, которые могут смягчить ответственность, а также указывая на сомнительность или недостаточность представленных доказательств вины. Речь государственного обвинителя, в противоположность защитной позиции, характеризуется безукоризненной последовательностью в изложении материала, опирается исключительно на бесспорные доказательства и предельно четкие законодательные нормы и предписания [2].

В специфических условиях судебного разбирательства каждое произнесенное слово обретает исключительную значимость, а манера произношения и тщательный выбор речевых оборотов превращаются в мощные средства психологического воздействия на коллегию присяжных заседателей и профессионального судью. Защитник, умело применяя глубокие познания в области человеческой психологии, методично подрывает убежденность обвинительной стороны, последовательно демонстрируя несостоятельность и внутреннюю противоречивость выдвигаемых против его подзащитного обвинительных аргументов и доводов. Опираясь фактическими данными, которые были получены в процессе предварительного расследования и непосредственно в ходе судебного следствия, адвокат с особым мастерством отбирает такие речевые конструкции, которые способны пробудить искреннее сочувствие к подсудимому, часто представляя его не только исключительно через совершенное им противоправное деяние, но и как личность, которая оказалась в крайне затруднительных жизненных условиях и обстоятельствах. Талантливо вплетая в структуру своего выступления яркие художественные образы и убедительные метафорические сравнения, защитник целенаправленно создает атмосферу эмоционального напряжения, одновременно оставляя достаточно пространства для возникновения обоснованных сомнений в действительной виновности своего подзащитного клиента [5].

Центральным элементом стратегии защиты становится осознанное обращение к общечеловеческим ценностям гуманистического характера, которые способствуют созданию представле-

ния о подзащитном как о полноценной личности, безусловно, заслуживающей человеческого понимания и подлинно справедливого отношения со стороны правосудия. В данном процессуальном контексте произносимые защитником слова, которые проникнуты искренними и глубокими эмоциональными переживаниями, особенно ярко подчеркивают хрупкость и беззащитность человеческой судьбы перед лицом неумолимого и строгого закона. Указывая на существенные пробелы в системе доказательств и убедительно демонстрируя их очевидную несостоятельность перед лицом критического анализа, адвокат предоставляет суду реальную возможность взглянуть на сложившуюся ситуацию под принципиально иным углом зрения, тем самым преодолевая тот негативный стереотип восприятия, который был сформирован стороной обвинения в отношении подсудимого. Выступление государственного обвинителя выстраивается, напротив, на основе четкой внутренней структуры и безупречно последовательной системы аргументации, неуклонно придерживаясь строгих рамок правовой логики и юридического мышления. Произнося свою речь, прокурор оперирует исключительно бесспорными, прошедшими всестороннюю и тщательную проверку фактическими данными, при этом придавая каждому отдельному обстоятельству дела особенную весомость в общей и целостной картине совершенного преступления. Проявляя исключительную внимательность к точности используемых юридических терминов и четкости правовых формулировок, прокурор категорически исключает возможность любых двусмысленных интерпретаций, неуклонно стремясь к достижению абсолютной ясности и прозрачности в изложении обвинительной позиции. Его речь, пронизанная духом объективности и профессиональной уверенности, целенаправленно направляет внимание суда и присяжных заседателей к единственно возможному и логически обоснованному выводу относительно полной обоснованности и безусловной справедливости предъявленного подсудимому обвинения [4].

Противостояние двух кардинально различных риторических подходов – насыщенной эмоциональными красками защитительной стратегии и подчеркнуто сдержанной рационально-логической обвинительной концепции – формирует глубинную смысловую и сложную психологическую основу всего судебного состязательного процесса. Выступая перед составом суда, каждая из противоборствующих сторон оказывается в ситуации, когда необходимо не только продемонстрировать глубокое знание действующего законодательства и высокое мастерство в искусстве аргументации, но и тонко учитывать

психологические особенности восприятия информации судебной аудиторией. Именно гармоничное сочетание строгой логической последовательности в изложении фактов и богатой языковой выразительности определяет подлинную эффективность судебного выступления, которое обладает реальной способностью оказать решающее влияние на окончательный исход всего судебного процесса.

Гражданское судебное производство порождает принципиально отличную стилистическую манеру судебного выступления, которое обуславливается частноправовой природой возникших между сторонами спорных правоотношений. Представители противоположных сторон, ведя профессиональную дискуссию относительно объема прав и характера обязанностей участников гражданского правового оборота, применяют значительно более сдержанную и деловую тональность общения, сосредотачивая основное внимание на сложных юридико-технических аспектах рассматриваемого дела. Публичное выступление в рамках гражданского процесса характеризуется исключительно подробным и всесторонним анализом норм материального права, которые должны быть применены к конкретным фактическим обстоятельствам, установленным в ходе судебного разбирательства. Опираясь на сложнейшими правовыми конструкциями и институтами, участники процесса убедительно демонстрируют свое глубокое понимание цивилистических правовых институтов, что неизбежно требует от них исключительно высокого уровня профессиональной подготовки и теоретических знаний. Выстраивая стройную логическую цепочку доказательств и обоснований, представители сторон активно апеллируют к сложившейся судебной практике и авторитетным доктринальным источникам правовой науки [1].

В условиях гражданского судопроизводства приоритетное внимание неизменно уделяется безукоризненной точности правовых формулировок и строгой последовательности юридических рассуждений, поскольку в данном случае на передний план выходит задача восстановления нарушенного справедливого баланса между интересами противоборствующих сторон. Отсутствие драматического накала и повышенной эмоциональной напряженности, которые являются характерными чертами уголовного процесса, свойственно спокойной и рассудительной манере изложения правовых позиций в гражданском судебном производстве. Профессиональные юристы, проводя всесторонний анализ обстоятельств возникшего спора, выстраивают структуру своих выступлений, исходя из объективной необходимости убедить судью в правильности предлагаемого ими толкования дей-

ствующего закона и полной обоснованности занимаемой процессуальной позиции. Подкрепляемые многочисленными ссылками на нормы действующего законодательства и правоприменительную практику, их правовые доводы выглядят взвешенно и убедительно, поскольку каждая используемая правовая категория требует предельно точного и корректного использования в соответствующем контексте. Окончательный исход рассматриваемого дела часто в решающей степени зависит от тонких нюансов толкования и интерпретации гражданско-правовых норм, поэтому участники судебного процесса, глубоко погружаясь в детальное изучение судебных актов и научных комментариев ведущих ученых-правоведов, насыщают содержание своей речи многочисленными примерами из обширной и разнообразной судебной практики. Ссылаясь на устоявшиеся правовые позиции высших судебных инстанций или приводя системные научно-правовые аргументы, представители сторон последовательно проводят глубокую аналитическую работу, позволяющую выявить наиболее значимые для справедливого разрешения спора фактические обстоятельства и правовые аспекты. Повышенное внимание к мельчайшим деталям дела, возникающее при рассмотрении индивидуальных претензий и требований, заставляет участников процесса сознательно избегать абстрактных и неопределенных формулировок, заменяя их тщательно продуманной и всесторонне обоснованной правовой аргументацией [3].

Следует особо подчеркнуть, что гражданская судебная речь отличается не только структурной строгостью и логической последовательностью, но и исключительно высоким уровнем доказательной насыщенности и фактической обоснованности. Применяя к установленным фактическим обстоятельствам соответствующие нормы материального права, противоборствующие стороны неуклонно стремятся к установлению объективной истины исключительно с опорой на безупречную логику и достоверные документальные источники, сознательно не прибегая к методам эмоционального воздействия на состав суда. Отточенные юридические речевые обороты, органично переплетаясь с конкретными обстоятельствами рассматриваемого дела, создают текст выступления, в котором личная убежденность оратора естественным образом уступает место объективности и беспристрастности правового анализа. В подобной процессуальной обстановке, постепенно вырабатывая твердую уверенность в правильности своих выводов и заключений, представители сторон целенаправленно формируют у суда устойчивое ощущение ясности и предсказуемости будущего

итогового решения, при этом неизменно сохраняя уважительный и корректный стиль профессионального общения, который ставит во главу угла закон как высшую и непреложную ценность правового государства.

Арбитражное судопроизводство характеризуется максимально возможной степенью формализации судебной речи, что находит свое объяснение в специфической природе экономических споров и высоком профессиональном уровне участников данного вида судебного процесса. Выступая перед составом арбитражного суда, представители противоборствующих сторон сосредотачивают основное внимание на глубоком экономическом анализе сложившейся спорной ситуации, при этом активно используя высокоспециализированную терминологию и постоянно ссылаясь на устоявшуюся практику высших судебных инстанций в сфере предпринимательских отношений. Судебная речь в условиях арбитражного процесса насыщена разнообразными статистическими данными, сложными финансовыми расчетами и многочисленными ссылками на внутренние корпоративные документы, что придает выступлениям особый сложный специализированный характер и предъявляет к участникам процессуальной деятельности повышенные требования не только в области фундаментальных юридических знаний, но и в сфере профессионального владения механизмами современных экономических отношений. Основывая свою позицию на базовых принципах честности ведения бизнеса и рациональности коммерческих решений, участники спора формируют свою аргументацию через призму скрупулезного финансового анализа и экономического моделирования, подтверждая каждый существенный аргумент точными статистическими данными, заключениями независимых аудиторских организаций и профессиональными оценками отраслевых экспертов. Стилистика арбитражного судебного выступления характеризуется максимальной концентрированностью изложения и строгой профессиональной ориентированностью, поскольку первостепенной целью становится не создание эмоционального резонанса в судебной аудитории, а системное представление всеобъемлющих сведений о коммерческой природе спорных правовых взаимоотношений и их воздействии на экономические приоритеты субъектов предпринимательской деятельности.

Характерной чертой арбитражного риторического мастерства становится профессиональное соединение юридической доказательной базы с экономическим обоснованием предпола-

гаемых судебных решений, что предоставляет возможность судебной инстанции не только определить формальную правомерность позиции одного из участников процесса, но и проанализировать практическую обоснованность и экономическую результативность предлагаемых механизмов восстановления нарушенных правомочий. Процессуальные представители сторон, проявляя фундаментальное знание рыночных закономерностей и устоявшейся коммерческой практики, создают у судебного состава ясное понимание реальных последствий принимаемых процессуальных постановлений для перспективного развития предпринимательских взаимоотношений и обеспечения устойчивости делового оборота.

Проанализировав характерные особенности ораторского искусства в разнообразных формах судебного разбирательства, представляется возможным сформулировать аргументированное заключение о том, что результативность судебного выступления находится в прямой зависимости от способности докладчика приспособить свою риторическую методику к уникальным особенностям определенного процессуального контекста. Уголовно-правовое судопроизводство предполагает эмоциональную возбудимость и психологическое влияние на аудиторию, гражданско-правовое разбирательство предусматривает безупречность правовых дефиниций и логическую стройность изложения, арбитражное рассмотрение требует технической квалификации и экономической аргументированности позиции.

Следовательно, судебное риторическое мастерство образует комплексную и многоаспектную профессиональную сферу деятельности, эффективность которой обуславливается не только совершенным владением традиционными риторическими методами, но и фундаментальным пониманием правовой сущности анализируемого конфликта, психологических характеристик судебной аудитории и процессуальных особенностей определенного типа судебного разбирательства. Современный специалист в области судебной риторики должен демонстрировать способность органично объединять юридическую аккуратность с языковой образностью, правовую аргументацию с человеческими переживаниями, профессиональную квалификацию с моральными установками, что в конечном счете способствует достижению высочайшей цели правосудия – выявлению объективной истины и обеспечению справедливости в рамках правового государственного устройства.

Список литературы

1. Баишева З. В. Выразительность судебной речи // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-5. С. 47–51.
2. Бызова Е. А. Специфика речи в судебном заседании // Научные исследования молодых ученых. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 126–128.
3. Георгиева П. А., Лясович Т. Г. Судебное красноречие оратора и его отличительные особенности (на примере судебных речей П. А. Александрова) // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 33–40.
4. Герасимова А. А. Особенности судебной речи в разных видах судопроизводства // Молодой ученый. 2024. № 18(517). С. 183–186.
5. Детковская А. В., Ковалев В. А., Плевако Ф. Н. и его судебные речи как образец ораторского искусства // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2. С. 107–114.
6. Конституция СССР 1936 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussrrsf/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 28.10.2025).

Экстремистские организации и их роль в террористических актах и других насильственных действиях

© Зябкина А. А., 2025

А. А. Зябкина

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: anastasia_z05@mail.ru

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chalv@bk.ru

Аннотация. Рассматривается понятие экстремизма, типология экстремистских организаций, их идеологические и социальные основания, а также механизмы, способствующие осуществлению террористической деятельности и другим формам насилия. Особое внимание уделяется анализу ресурсов, с помощью которых данные организации сохраняют свою структуру, привлекают новых членов и координируют действия для реализации насильственных актов. Также освещаются современные подходы к противодействию экстремизму, в том числе меры профилактики со стороны государственных органов и гражданского общества.

Ключевые слова: экстремизм, террористические акты, насильственные действия, идеология, радикализация, противодействие экстремизму.

Экстремизм наряду с сопутствующими ему актами насилия занимает центральное место среди наиболее серьезных вызовов, стоящих перед глобальной безопасностью в современном мире. Последние десятилетия ознаменовались серией масштабных террористических атак, которые повлекли за собой гибель сотен и тысяч людей. Этот трагический опыт стимулировал пристальное внимание к проблеме экстремизма со стороны научного сообщества, политических деятелей и экспертов в сфере обороны и безопасности. Экстремистские формирования выступают в роли ключевых факторов в процессе радикализации различных социальных групп, активно продвигая идеологию насилия и нетерпимости, нередко маскируясь под религиозные, этнические или политические объединения.

Настоящая статья призвана изучить феномен экстремистских организаций, оценить их участие в террористических актах и иных насильственных проявлениях, а также выявить главные факторы, способствующие их формированию и функционированию. В рамках исследования будут представлены подходы к классификации экстремистских организаций, подробно рассмотрены механизмы их финансирования, особенности внутренней иерархии, методы пропаганды и тактики привлечения новых сторонников. Помимо этого, уделено внимание стратегиям противодействия экстремизму, включая анализ правовых аспектов, инструментов профилактики и потенциала сотрудничества между государством и институтами гражданского общества.

Определение экстремистской организации дано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г.

№ 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2], исходя из которого ее ключевым признаком является наличие вступившего в законную силу решения о ликвидации организации или запрете ее деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Прошло уже более двадцати лет, как была введена в УК РФ ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации», которая предусматривает ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судебной ветвью власти принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или полном запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций или объединений, которые в соответствии с действующим законодательством России являются террористическими, т. е. признаны судом террористическими [1].

Экстремизм представляет собой совокупность идеологически мотивированных убеждений или действий, выходящих за рамки общепризнанных социально-политических норм и нередко сопровождающихся призывами к насилию. Подобные убеждения могут быть связаны с расовым, религиозным или политическим радикализмом, а также с пропагандой тоталитарных, националистических, ксенофобских или религиозно-фундаменталистских идей. При этом экстремизм не всегда сопряжен с насилием: некоторые организации или группы могут проповедовать радикальные взгляды, но не переходить к прямым террористическим актам.

Экстремистские организации возникают в результате институционализации экстремистских убеждений и создания структуры, которая позволяет эффективно распространять радикальную идеологию и реализовывать ее на практике. Такая структура может иметь разные уровни организации:

- формальные группы с четкой иерархией, наличием руководящих органов, внутренней и внешней системой коммуникации;
- сетевые структуры или «горизонтальные» объединения, где отсутствует единый центр, но участники связаны через личные контакты, социальные сети и мессенджеры, что усложняет их выявление и преследование [7, с. 441].

Экстремистские организации нередко устраивают пропагандистскую деятельность, включая создание медиаконтента, публикацию статей и видео, проведение акций. Эти инструменты позволяют им привлекать сторонников и оказывать давление на социально значимые институты.

Типология экстремистских организаций выглядит следующим образом:

1. Политически мотивированные организации.

К данной группе относятся организации и движения, которые используют экстремистскую риторику для достижения политических целей. В некоторых случаях такие группы могут формироваться вокруг определенных идеологий (крайне левых или крайне правых), одной из целей является смена существующего государственного строя.

2. Религиозно мотивированные организации.

Религиозный экстремизм основывается на интерпретации религиозных доктрин, которые оправдывают насилие в отношении тех, кто, по мнению экстремистов, не следует «истинному вероучению». При этом в современном мире существует множество радикальных группировок различной религиозной направленности, каждая из которых находит свою аудиторию и создает собственные механизмы вербовки.

3. Этнически мотивированные организации.

Этнический экстремизм часто связан с защитой или пропагандой интересов определенной этнической общины. Такая форма экстремизма нередко проявляется в конфликтных зонах, где этнополитические противоречия способствуют появлению вооруженных групп, претендующих на независимость или расширение своей территории.

4. «Одноцелевые» экстремистские организации.

Подобные группировки сфокусированы на одной конкретной проблеме, которая может иметь экологическую, социальную или иную направленность: защита животных, борьба с абортами, противодействие глобализации и т. п.

Некоторые из этих организаций придерживаются исключительно ненасильственных методов, в то время как другие переходят к акциям прямого действия, совмещая протестную деятельность с элементами терроризма [6, с. 82].

Радикализация представляет процесс изменения убеждений, ориентирующих индивида или группу на применение насилия в продвижении своих идеологических целей. В рамках этого процесса экстремистские организации играют ведущую роль, поскольку они:

- 1) предоставляют инфраструктуру (финансовую, логистическую, идеологическую) для будущих террористических актов;
- 2) формируют социальные сети (онлайн и офлайн), где радикальные идеи быстро распространяются и находят поддержку в «эхо-камерах» единомышленников;
- 3) оказывают идеологическое давление, предлагая «упрощенную картину мира», где все проблемы сводятся к «виновникам», которых следует устранить.

При радикализации большую роль играют факторы индивидуальной уязвимости: чувства несправедливости, дискриминации, социальной изоляции, а также отсутствия перспектив трудоустройства и образования. Экстремистские организации часто используют эту уязвимость, применяя пропаганду, основанную на эмоциях, «образе врага» и обещании быстрой социальной или духовной «реабилитации». Они применяют разные идеологические механизмы для консолидации и мотивации членов:

1. Идея исключительности. Участники часто убеждены, что только их идеология «истинна», а все остальные ошибаются или даже представляют угрозу.

2. Дихотомия «мы – они». Формируется образ внешнего врага, будь то государственные институты, представители иных вероисповеданий, этнические группы или политические оппоненты.

3. Сакрализация насилия. В религиозных организациях радикального толка насилию могут придавать священный смысл; в светских группах его оправдывают «высшими интересами» социальной справедливости, национальной независимости и т. д.

4. Культ героизма. Террористические акты или другие акты насилия часто рассматриваются как «подвиг» или «самопожертвование» во имя «высших целей» [5, с. 221].

В результате такой системы убеждений участники экстремистских групп могут иметь абсолютную лояльность к лидерам и быть готовы к выполнению опасных заданий, и даже к самопожертвованию.

Экстремистские организации могут выступать в качестве «центра сбора ресурсов»: людей, денег, оружия, информации. Они занимаются:

- 1) вербовкой исполнителей: поиском и подготовкой бойцов или террористов-смертников;
- 2) тренировкой: созданием лагерей по военной подготовке, организацией «подпольных» учений;
- 3) логистикой и разведкой: сбором данных о потенциальных целях, маршрутах и уязвимостях, подбором средств коммуникации и маскировки.

В одних случаях экстремистские организации имеют жесткую вертикаль власти (например, классические террористические группы), в других – работают по сетевому принципу. В сетевых структурах ячейки могут действовать автономно, при этом имея общую идеологию и финансово-организационные каналы. Такая гибкость повышает устойчивость организации к репрессиям со стороны силовых структур.

Террористические акты могут принимать различные формы: взрывы в общественных местах, захват заложников, кибератаки, нападения с использованием огнестрельного оружия и т. д. [3]. Экстремистские организации не всегда непосредственно руководят каждой акцией; бывает, что исполнители, прошедшие идеологическую обработку, совершают нападения самостоятельно, но при этом остаются политически и морально связаны с группой (так называемые волки-одиночки, вдохновленные идеологией).

Финансовая поддержка – это «кровеносная система» для большинства экстремистских организаций. К основным источникам финансирования относятся:

- добровольные пожертвования от сторонников, в том числе из диаспор или религиозных общин;
- незаконная деятельность: торговля наркотиками, оружием, контрабанда, вымогательство, организация подпольных казино и др.;
- спонсорство со стороны государств или отдельных влиятельных лиц, заинтересованных в дестабилизации ситуаций [4, с. 98].

Структуру организации можно представить в виде пирамиды или сети. В случае пирамиды во главе находится узкая группа лидеров, отвечающих за идеологическую и стратегическую направленность, тогда как внизу – «рядовые» исполнители. В сетевых структурах группы действуют более автономно, что затрудняет пресечение их деятельности.

Борьба с экстремизмом и терроризмом представляет многоуровневый процесс, в котором участвуют государственные институты, правозащитные и общественные организации. К числу ключевых направлений противодействия

данному явлению можно отнести следующие меры правового и организационного характера:

1. Законы о противодействии экстремистской деятельности: введение уголовной ответственности за экстремистские высказывания и действия, преследование лидеров радикальных организаций, досудебная блокировка экстремистских интернет-ресурсов.

2. Совершенствование работы спецслужб: укрепление контрразведывательного потенциала, обмен разведданными между странами, использование новых технологий отслеживания потоков финансов и трафика в интернете.

3. Международное сотрудничество: договоры о выдаче подозреваемых, об обмене информацией и совместном проведении антитеррористических операций.

К категории мер социального и образовательного характера можно отнести следующие направления:

1. Профилактика радикализации: организация просветительских мероприятий, курсов по критическому мышлению, программ ресоциализации бывших членов экстремистских групп.

2. Диалог с религиозными и этническими общинами: повышение уровня доверия между государством и меньшинствами, смягчение конфессиональных и этнокультурных конфликтов.

3. Интернет-безопасность и контрпропаганда: создание команд бдительности (так называемые *cyber patrols*), которые выявляют экстремистскую пропаганду в сети и противодействуют ей, предоставляя альтернативные нарративы.

Важными составляющими противодействия экстремизму являются мониторинг и модерация интернет-площадок: социальных сетей, мессенджеров, форумов. Современные экстремистские формирования интенсивно используют цифровые каналы для распространения своей пропаганды и вербовки новых членов. В свете этого перед государствами и представителями частного сектора, в частности ИТ-компаниями, стоит задача разработки эффективных инструментов для оперативного выявления и блокировки экстремистских материалов.

Экстремистские организации представляют собой сложные социально-политические структуры, которые могут демонстрировать различный уровень формализации, опираться на разнообразные идеологии и применять методы насильственного воздействия для достижения своих целей. Они часто не только выступают в роли непосредственных организаторов и руководителей террористических актов, но и являются мощными стимулами для индивидуальной радикализации. Это достигается благодаря тщательно продуманной пропаганде, крепкой фи-

нансовой базе, а также разветвленным социальным и информационным сетям.

Актуальность вопросов экстремизма и терроризма продолжает возрастать на фоне глобализации и стремительного развития цифровых технологий. Эти технологии значительно упрощают международные контакты и ускоряют обмен информацией. Использование интернета и социальных медиа для распространения радикальных идей создает значительные риски притока новых сторонников в ряды экстремистских движений.

При этом достижение эффективной борьбы с такими организациями и идеологиями требует

комплексного подхода, включающего в себя как оперативные меры правоохранительных органов, так и долгосрочные социальные программы, направленные на устранение причин, способствующих радикализации.

Подводя итог, следует отметить, что успешное противодействие экстремизму возникает на стыке международного сотрудничества, совершенствования национальных правовых и административных механизмов, а также вовлечения гражданского общества и экспертного академического сообщества. Только скоординированные усилия позволяют выработать эффективный ответ на одну из самых острых угроз современности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля.
3. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.
4. Парышев А. И. Запрет деятельности экстремистской организации: уголовно-правовой аспект // Актуальные вопросы современной науки и образования : сб. науч. ст. по материалам XXII Междунар. науч.-практ. конф., Киров, 16–19 мая 2023 г. Киров : Московский финансово-юридический университет, 2023. С. 96–106.
5. Хазов Е. Н., Богданов А. В., Шутов О. Н. Использование сети Интернет как одно из направлений преступной деятельности экстремистских организаций и движений // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 220–225.
6. Ходжалиев С. А., Хаджиев У. К. Экстремистские организации как один из видов неформальных молодежных объединений: криминологический аспект // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2023. № 1(49). С. 81–85.
7. Шогенов Т. М., Федоренко С. П., Бураева Л. А. Актуальные вопросы противодействия деятельности экстремистских организаций в сети Интернет в условиях внешнеполитической нестабильности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182). С. 441–442.

Правовые акты представительных органов местного самоуправления

© Катрыч У. В., 2025

У. В. Катрыч

Магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: uliana.koputova31@yandex.ru

Научный руководитель:

Н. В. Колосов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kolosovnv@mail.ru

Аннотация. Рассматривается нормотворческая деятельность органов местного самоуправления, подразумевающая принятие необходимых правовых актов, система которых определена отечественным законодателем в положениях законодательства Российской Федерации об общих принципах организации местного самоуправления. Проводится анализ существующих в настоящее время проблем в исследуемой сфере, связанных в первую очередь с недостаточно высоким и ненадлежащим качеством принимаемых указанными органами местного самоуправления муниципальных правовых актов.

Ключевые слова: муниципальные правовые акты, органы местного самоуправления, качество правовых актов органов местного самоуправления.

Актуальность выбранной темы настоящей научной статьи обусловлена тем, что по вопросам местного значения населением муниципальных образований непосредственно и (или) органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления принимаются муниципальные правовые акты. Указанное обстоятельство обуславливает возможность разработки, принятия и последующего обнародования правовых актов представительными органами муниципального образования по строго определенному перечню направлений деятельности последних, а также влечет необходимость соблюдения должными лицами органов местного самоуправления требований, которые предъявляются не только к юридической процедуре разработки, принятия и обнародования указанных актов. Однако не менее важным представляется то, что содержание и оформление правовых актов органов местного самоуправления, которые в общей структуре и иерархии законодательных актов отечественного общества и государства занимают нижний уровень, должны быть надлежащего качества.

В соответствии с положениями ст. 130 Конституции РФ [1] местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления [2, с. 191]. В соответствии с положениями ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах организации

местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ «Об общих принципах организации МСУ в единой системе публичной власти») [3], органы местного самоуправления – избираемые непосредственно населением или образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения [4, с. 243].

В рамках настоящего исследования правовой акт следует понимать и рассматривать с точки зрения упорядоченного и регламентированного процесса деятельности муниципальных органов, а также соответствующего результата, представленного в объективной реальности в виде документа, обладающего необходимыми и достаточными реквизитами, принятого уполномоченным органом либо должностным лицом и содержащего определенные правоустановления, которые имеют юридическую силу и обязательные для исполнения на определенной территории либо определенным кругом лиц в течение определенного временного периода либо бессрочно. Следует констатировать то обстоятельство, что эффективное и результативное осуществление органами государственной, региональной и муниципальной власти всех уровней и сфер деятельности возложенных на них функций и полномочий не представляется возможным в условиях отсутствия издания соответствующих правовых актов, которые должны не только неукоснительно отвечать требованиям, предъявляемым к процедуре их разработки и принятия, но и быть надлежащего качества, отражающего тем самым уровень профессиональ-

ной подготовки должностных лиц и органов, осуществляющих властные полномочия в обществе и государстве.

Предоставленная органам местного самоуправления и закреплённая в положениях действующего законодательства возможность принятия правовых актов представляет собой одно из наиболее приоритетных направлений деятельности органов местного самоуправления и в то же время неотъемлемое и обязательное условие осуществления последними эффективной и результативной деятельности. Целью нормотворчества органов местного самоуправления является разработка, принятие и обнародование определённого решения по наиболее актуальному с социальной точки зрения вопросу местного значения либо по вопросу, возникающему в процессе реализации последними иных полномочий, переданных в их компетенцию, экономического, административно-организационного либо иного характера. Примечательным в данном случае выступает то обстоятельство, что принятые и введенные в законную силу исследуемые правовые акты так или иначе затрагивают и касаются прав, свобод и законных интересов населения, проживающего на определённой территории муниципального образования [5, с. 4].

В соответствии с положениями ст. 52 ФЗ «Об общих принципах организации МСУ в единой системе публичной власти» система муниципальных правовых актов включает в себя следующие компоненты.

1. *Устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан).* В данном случае следует акцентировать особое внимание на том, что муниципальными правовыми актами данной группы положения иных муниципальных правовых актов не могут противоречить и в обязательном порядке должны им соответствовать [6, с. 135].

Так, Иркутским областным судом в порядке административного судопроизводства рассматривалось и разрешалось по существу исковое заявление ООО о признании недействующими в определённой части Правил озеленения г. Иркутска, утвержденных решением Думы г. Иркутска. Как было установлено в судебном заседании, оспариваемый муниципальный правовой акт является нормативным правовым актом, поскольку его содержание составляют положения, рассчитанные на обязательное исполнение неопределённым кругом лиц, неоднократное их применение в сфере озеленения территории муниципального образования. Также судом было установлено, что оспариваемый нормативный правовой акт издан уполномоченным органом с соблюдением установленной формы, процедуры принятия, правил официального опубликова-

ния и введения нормативных правовых актов в действие. Суд, исследовав в судебном заседании материалы административного дела, а также представленные доказательства, пришел к выводу о том, что оспариваемые административным иском Правила озеленения г. Иркутска в определённой части не соответствуют Уставу г. Иркутска, что влечет необходимость признания данного муниципального правового акта недействующим в определённой части [7].

2. *Правовые акты представительного органа муниципального образования.* Могут применяться по вопросам местного значения, а также по вопросам, возникающим в процессе реализации переданных представительным органам муниципального образования иных полномочий других уровней власти, с целью установления обязательных для выполнения определенных правил (например, могут издаваться в связи и по поводу принятого решения об удалении главы муниципального образования в отставку, по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования, а также по иным вопросам) [8, с. 62].

Как подчеркивают Е. А. Лузан и Т. С. Касимов, закрепление в компетенции муниципальных представительных органов возможностей и соответствующих полномочий в сфере разработки, принятия и обнародования муниципальных правовых актов в целом соответствует основному предназначению, а также правовой природе указанных органов местного самоуправления, которые создаются и функционируют в целях максимально возможного отражения и защиты интересов населения, проживающего в муниципальном образовании [9, с. 36].

3. *Правовые акты главы муниципального образования, местной администрации и иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования:* постановления и распоряжения по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования, а также по иным вопросам, отнесенным к компетенции указанных органов местного самоуправления в соответствии с положениями действующего законодательства Российской Федерации [10, с. 88].

Представительный орган муниципального образования по вопросам, отнесенным к его компетенции федеральными законами, законами субъекта РФ, уставом муниципального образования, принимает решения, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, решение об удалении главы муниципального образования в отставку, а также решения по вопросам организации деятельности представительного

органа муниципального образования и по иным вопросам, отнесенным к его компетенции федеральными законами, законами субъектов РФ, уставом муниципального образования. Решения представительного органа муниципального образования, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, принимаются большинством голосов от установленной численности депутатов представительного органа муниципального образования, если не установлено иное. В случае, если глава муниципального образования исполняет полномочия председателя представительного органа муниципального образования, голос главы муниципального образования учитывается при принятии решений представительного органа муниципального образования как голос депутата представительного органа муниципального образования.

Соответственно, представительные органы муниципального образования наделены соответствующим правомочием принятия как нормативных правовых актов, посредством издания которых исследуемые органы реализуют предоставленную им функцию и правомочия в сфере правотворческой деятельности, так и ненормативных актов, посредством издания которых осуществляется регулирование деятельности представительных органов муниципального образования как субъекта определенных правоотношений (например, в процессе заключения муниципального контракта и проч.).

Следует подчеркнуть, что проекты муниципальных правовых актов могут вноситься депутатами представительного органа муниципального образования, главой муниципального образования, иными выборными органами местного самоуправления, главой местной администрации, органами территориального общественного самоуправления, инициативными группами граждан, а также иными субъектами правотворческой инициативы, установленными уставом муниципального образования. В свою очередь, порядок внесения проектов муниципальных правовых актов, перечень и форма прилагаемых к ним документов устанавливаются нормативным правовым актом органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления, на рассмотрение которых они вносятся. Достаточно интересным с исследовательской точки зрения в данном случае представляется то обстоятельство, что в отношении вносимых проектов муниципальных правовых актов осуществляется оценка регулирующего воздействия, сущность которой заключается в выявлении положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономиче-

ской деятельности либо способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности и местных бюджетов [11, с. 144].

Так, например, решением Думы г. Иркутска от 15 ноября 2023 г. № 007-20-056745/3 утверждена Стратегия социально-экономического развития г. Иркутска на период до 2036 года, которая является основным документом стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания на уровне муниципалитетов в Российской Федерации. Данная Стратегия социально-экономического развития г. Иркутска разработана в целях определения приоритетов, целей и задач социально-экономического развития города, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Иркутской области и Российской Федерации. По результатам проведенной оценки регулирующего воздействия проекта указанного муниципального правового акта было вынесено решение о соответствии предъявляемым требованиям [12].

Как определяет отечественный законодатель, нормативный правовой акт, принятый представительным органом муниципального образования, направляется главе муниципального образования для подписания и обнародования в течение 10 дней. Глава муниципального образования, исполняющий полномочия главы местной администрации, имеет право отклонить нормативный правовой акт, принятый представительным органом муниципального образования. В этом случае указанный нормативный правовой акт в течение 10 дней возвращается в представительный орган муниципального образования с мотивированным обоснованием его отклонения либо с предложениями о внесении в него изменений и дополнений. Если глава муниципального образования отклонит нормативный правовой акт, он вновь рассматривается представительным органом муниципального образования. Если при повторном рассмотрении указанный нормативный правовой акт будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей от установленной численности депутатов представительного органа муниципального образования, он подлежит подписанию главой муниципального образования в течение семи дней и обнародованию.

Безусловно, одной из наиболее актуальных и остро стоящих в настоящее время проблем, возникающих в сфере муниципального правотворчества (нормотворчества), является необходимость повышения качества правовых актов, принимаемых представительными органами местного самоуправления. Одним из наиболее действенных и эффективных механизмов в дан-

ном случае является институт экспертизы нормативных актов и их проектов, в рамках деятельности которого уставы муниципальных образований, а также муниципальные правовые акты, направленные на внесение изменений либо дополнений в последние, подлежат обязательной проверке на соответствие действующего федерального и регионального законодательства Российской Федерации [13]. В настоящее время на территории Иркутской области проводится экспертиза муниципальных правовых актов, принимаемых в том числе представительными органами местного самоуправления, в целях обеспечения их федеральному, региональному законодательству, а также уставу муниципального образования. В настоящее время она осуществляется в отношении муниципальных правовых актов, включенных в регистр муниципальных правовых актов, вступивших в законную силу [14]. Представляется необходимым и обоснованным распространить данную практику и в отношении проектов муниципальных правовых актов, чтобы на этапе их разработки существовала возможность своевременного устранения выявленного несоответствия либо противоречия положениям действующего федерального, регионального законодательства либо уставу муниципального образования.

Также следует акцентировать особое внимание на том, что на сегодняшний день правовые акты, принимаемые представительными органами местного самоуправления, проверяются в первую очередь на соответствие их основополагающим требованиям соблюдения законности и соответствия положениям и правовым актам федерального, регионального законодательства, а также муниципальным правовым актам, имеющим высшую юридическую силу в системе правовых актов органов местного самоуправления (в данном случае речь идет об уставе муниципаль-

ного образования, а также правовых актах, принятых в результате проведения местных референдумов), без должного внимания к уровню их качества с юридико-технической точки зрения. В свою очередь, «некачественный» текст муниципального правового акта, позволяющий его неоднозначно либо двойственно толковать, прежде всего, затрудняет процесс правоприменительной практики. Несмотря на то что в настоящее время наличие в тексте правовых актов органов местного самоуправления ошибок и недочетов юридико-технического характера не является основанием для признания их незаконными и недействующими, все же органам местного самоуправления и должностным лицам следует обращать особое внимание на качество принимаемых ими правовых актов.

Несомненной особенностью правовых актов представительных органов местного самоуправления является то, что они могут разрабатываться и приниматься только теми органами муниципальной власти и их должностными лицами, к исключительной компетенции которых отнесены соответствующие полномочия.

Таким образом, правотворческая компетенция представительного органа местного самоуправления определяется положениями действующего законодательства Российской Федерации либо уставом муниципального образования. В пределах этой компетенции представительные органы местного самоуправления обладают самостоятельностью в решении вопросов местного значения, однако их действие ограничено рамками действующего законодательства Российской Федерации и положениями устава муниципального образования. Правовые акты местного самоуправления принимаются исключительно уполномоченными на это органами муниципальной власти и их должностными лицами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 окт. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Новичков И. В., Штанулин Д. С., Алексеев В. С. Понятие и сущность местного самоуправления // Образование и право. 2023. № 12. С. 187–191.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
4. Горный М. Б. Муниципальная политика и местное самоуправление в России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 393 с.
5. Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов / Э. И. Атагинова, Т. Н. Макаренко, О. С. Рыбакова, Е. Н. Сарапкина. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2018. 136 с.
6. Чихладзе Л. Т. К вопросу о системе муниципальных правовых актов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 134–139.
7. Решение Иркутского областного суда Иркутской области № 3А-87/2023 от 23 авг. 2023 г. по делу № 3А-87/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rZEb5gtTfBxY/> (дата обращения 05.01.2025).
8. Радаева С. В. Правовые акты представительного органа местного самоуправления: юридико-технологический аспект // Образование и право. 2018. № 4. С. 61–66.

9. Лузан Е. А., Касимов Т. С. Правовые акты представительных органов местного самоуправления // Colloquium-Journal. 2020. № 34. С. 36–37.
10. Бабошин О. А. Система муниципальных правовых актов // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 1. С. 86–94.
11. Яковлева Е. О. Правовая природа и система муниципальных правовых актов // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2018. № 9. С. 142–146.
12. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Иркутска на период до 2036 года : решение Думы г. Иркутска от 15 нояб. 2023 г. № 007-20-056745/3 (с изм. на 24.12.2024) // Ведомости органов местного самоуправления города Иркутска. 2023. № 11.
13. О государственной регистрации уставов муниципальных образований : федер. закон от 21 июля 2005 г. № 97-ФЗ (ред. от 28.12.2020) // Собр. законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3108.
14. О порядке организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов Иркутской области : закон Иркут. обл. от 12 марта 2009 г. № 10-ОЗ (ред. от 1 июня 2023 г.) // Областная. 2009. № 30.

Уголовно-правовые меры противодействия использованию генеративного искусственного интеллекта для создания и распространения запрещенного контента

© Кистенев Е. А., 2025

Е. А. Кистенев

Магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kistenevegor96@gmail.com

Научный руководитель:

С. А. Аверинская, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: aver27@mail.ru

Аннотация. Исследованы уголовно-правовые аспекты противодействия использованию генеративного искусственного интеллекта для создания и распространения запрещенного контента, за исключением дипфейков. Проанализированы специфические виды угроз, такие как генерация фейковых новостей, подрыв общественной безопасности, создание контрафакта и материалов против государственной власти. Выявлены системные пробелы в Уголовном кодексе РФ, не учитывающие специфику искусственного интеллекта как инструмента преступления. На основе проведенного анализа предложена криминализация новых видов деяний. Сформулированы конкретные предложения по дополнению УК РФ специальными составами преступлений.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, запрещенный контент, уголовно-правовые меры, киберпреступность, фейковые новости, контрафакт.

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ), способного создавать тексты, изображения, аудио- и видеоконтент, породило новую эпоху цифровых угроз. Если ранее правовое сообщество и законодатель были сосредоточены преимущественно на рисках, связанных с технологией «дипфейк», то современный ландшафт киберпреступности демонстрирует расширение спектра запрещенного контента, создаваемого алгоритмами. Генеративный ИИ активно используется для масштабированного производства фейковых новостей, дезинформации, материалов, провоцирующих массовые беспорядки, поддельных официальных документов, а также контрафактной продукции [5], что создает прямую угрозу общественной безопасности, экономической стабильности и государственному суверенитету.

Актуальность темы обусловлена нарастающим разрывом уголовного законодательства от технологических реалий. Действующий Уголовный кодекс РФ [1] не содержит специальных норм, направленных непосредственно на противодействие использованию генеративного ИИ в преступных целях. Правоприменительная практика вынуждена применять традиционные составы преступлений, которые не учитывают специфику, масштабируемость и трансграничный характер новых цифровых угроз, что создает значительные пробелы в защите охраняемых законом интересов.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ уголовно-правовых мер

противодействия использованию генеративного ИИ для создания и распространения запрещенного контента, за исключением дипфейков, и разработка на этой основе предложений по совершенствованию отечественного законодательства. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: классификация новых видов запрещенного ИИ-контента; выявление системных пробелов в действующих нормах УК РФ; анализ проблем квалификации и доказывания; формулирование предложений по криминализации новых общественно опасных деяний, связанных со злонамеренным использованием технологий генеративного ИИ.

Приведем классификацию запрещенного контента, который создается с помощью искусственного интеллекта, вызвавшего появление совершенно новых форм противоправной деятельности, в зависимости от области применения:

1. Контент, посягающий на общественную безопасность и государственные интересы.

Наиболее опасной категорией можно считать контент, нацеленный на дестабилизацию общественного порядка и подрыв государственных устоев. ИИ позволяет создавать настолько реалистичные аудио, фото- и видеоматериалы, что их невозможно отличить от оригинала.

Особую угрозу представляют фейковые новости. Языковые модели ИИ, такие как Chat GPT и его аналоги, способны создать более тысячи уникальных текстовых сообщений, имитирующих стилистику официальных СМИ. К примеру, такие материалы могут содержать ложную информацию:

- о чрезвычайных ситуациях;
- деятельности государственных органов;
- массовых беспорядках.

ИИ позволяет:

- создавать пропагандистские материалы террористических организаций;
- призывать к насилию;
- создавать контент, который направлен на разжигание социальной, расовой и религиозной розни.

2. Контент, наносящий вред экономическим интересам и правам на интеллектуальную собственность.

Проблема создания контрафактной продукции приобрела новый размах в связи с массовым распространением ИИ, с помощью которого можно изменять фото- и видеоизображения, а именно производить:

- подделку лицензий, товарных знаков;
- копии товаров известных брендов;
- контент, который нарушает авторские права художников, дизайнеров и т. д. [2].

Также ИИ позволяет генерировать учебные и научные работы, тем самым обманывая всю систему образования. При помощи ИИ можно создавать:

- курсовые работы, рефераты;
- научные статьи;
- отчеты.

3. Контент и руководства, создание которых ранее требовало специальных знаний в определенной сфере, к примеру:

- изготовление самодельного оружия и взрывчатых веществ;
- создание химических и биологических препаратов;
- организация кибератак и противоправных действий (рассылка фишинговых писем, подделка документов).

Действующее законодательство Российской Федерации не имеет специализированных норм, адекватно регулирующих противоправное использование ИИ. Анализ правовых норм и судебной практики выявляет ряд проблем.

Основной проблемой является отсутствие в Уголовном кодексе РФ прямого состава преступления, который будет учитывать специфику ИИ как инструмента совершения преступления. Действующие нормы были разработаны для противодействия традиционным формам противоправной деятельности и не учитывают новые квалифицирующие признаки:

- отсутствие понятия «искусственный интеллект» в статьях Уголовного кодекса РФ, которое приводит к тому, что создание запрещенного контента с использованием современных технологий классифицируется так же, как и примитивные способы совершения преступления,

без учета повышенной общественной опасности и масштабируемости;

- неопределенность статуса результатов деятельности, созданных с использованием ИИ;
- проблема ИИ как «соучастника» – отсутствие правового регулирования вопроса о том, можно ли считать использование ИИ отягчающим обстоятельством или квалифицирующим признаком.

Использование ИИ порождает принципиально новые сложности в установлении субъекта преступления:

- множественность субъектов: в создании и распространении результатов деятельности ИИ могут участвовать разработчик самого алгоритма, пользователь и распространитель запрещенного контента [4];

- проблема «двойного использования» технологий: один и тот же инструмент ИИ может быть применен как в легальных, так и в противоправных целях, что затрудняет привлечение к ответственности создателей таких систем.

Процессуальные и доказательственные сложности заключаются в сложности доказывания по причине отсутствия надежных методов проверки ИИ-контента, что затрудняет подтверждение факта его создания с использованием ИИ, а также в проблемах, связанных с производством экспертизы для установления факта генерации контента с помощью ИИ.

Отсутствие санкции за общественно опасное деяние в сфере применения ИИ обусловлено:

- отсутствием специальных квалифицирующих признаков, которые учитывают применение современных передовых технологий в создании ИИ-контента;
- несоответствием размера наказания причиненному ущербу;
- невозможностью конфискации результатов ИИ.

Выявленные пробелы и проблемы показывают, что в уголовном законодательстве Российской Федерации необходимы изменения в соответствии с современным восприятием цифровых технологий. Требуется либо разработка отдельных норм, либо дополнение уже имеющихся. Предлагаемые меры направлены на формирование эффективного правового механизма противодействия использованию ИИ для создания и распространения запрещенного контента.

Наиболее реалистичным и быстрым в реализации вариантом изменения норм является дополнение существующих составов преступлений квалифицирующими признаками, которые будут учитывать развитие современных технологий, включая ИИ.

Также эффективной мерой может быть введение повышенных санкций за преступления, совершенные при помощи ИИ, учитывающих:

- массовый характер распространения запрещенного контента;
- технологическую сложность;
- психологическое воздействие на круг лиц.

Как альтернативный вариант стоит также рассмотреть введение совершенно новой статьи в Уголовный кодекс РФ за создание, распространение и использование специализированных ИИ-систем для генерации запрещенного контента, где будет учтено массовое распространение и модифицирование ИИ и ему подобных систем.

Совершенствование процессуальных механизмов.

Для преодоления доказательственных трудностей в определении и изучении процессов распространения и сохранения практики и знаний о методе совершения преступления при помощи ИИ предлагается:

1) закрепление в УПК РФ специальных процедур изъятия и исследования алгоритмов ИИ;

2) введение института специализированных экспертов по исследованию ИИ-систем и генерируемого ими контента;

3) разработка стандартизированных методик для идентификации ИИ-контента [3].

Проведенное исследование показывает, что стремительное развитие технологий ИИ создает совершенно новые вызовы для уголовного права. Повсеместное использование ИИ для создания фейковых новостей, материалов экстремистского характера, контрафактной продукции и иного запрещенного контента обнажает неготовность действующего законодательства по противодействию этим угрозам. По этой причине нынешнему законодательству требуется значительная доработка, а именно: введение специализированных квалифицирующих признаков составов преступлений, криминализация самостоятельных норм в особенную часть УК РФ и совершенствование процессуальных механизмов. Предложенные меры позволят сформировать эффективный правовой барьер по противодействию использованию ИИ в противозаконных целях.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 15.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.10.2025).
2. Даниленко Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 4. С. 232–240.
3. Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of digital technologies and law. 2023. № 2 (1). С. 481–497.
4. Тирранен В. А. Преступление с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. № 3 (17). С. 10–13.
5. Трофимов Р. В. Лингвистические механизмы генерации фейковых новостей при помощи искусственного интеллекта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 3. С. 87–97.

Анализ и оценка соответствия российской правоприменительной практики положениям международных конвенций в сфере охраны озера Байкал

© Митрофанов М. Д., Чикунов А. А., 2025

М. Д. Митрофанов

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: overvoid333@gmail.com

А. А. Чикунов

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: andrey.chikunov26@gmail.com

Научный руководитель:

Д. В. Шорников, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: abirvalg35@mail.ru

Аннотация. Проводятся анализ и оценка правоприменительной практики, осуществленной судами общей юрисдикции и арбитражными судами субъектов РФ, находящихся в границах Байкальской природной территории (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край), а также Верховным Судом РФ, по применению норм международных конвенций. При проведении данного исследования были изучены судебные акты за 2021–2024 гг., найденные в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые содержат прямые ссылки на положения международных конвенций. Отмечается, что положения Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» применяются судами более часто, чем положения иных конвенций, непосредственно рассмотренных в рамках данного исследования.

Ключевые слова: Байкал, правоприменительная практика, судебные акты, суд, международно-правовые акты, конвенции, всемирное наследие, ЮНЕСКО.

Байкал – это одно из величайших озер мира. Оно является глубочайшим озером с максимальной глубиной 1642 м, однако стоит обратить внимание на то, что донные отложения, состоящие из автохтонных (образующиеся в самом водоеме) и аллохтонных (принесенных извне) материалов, простираются на глубину около 6000 м, следовательно, общая глубина до твердых пород составляет 8000–9000 м [1, с. 89].

Озеро Байкал представляет собой один из крупнейших природных резервуаров пресной воды на планете Земля (около 19 % мировых и 90 % запасов России), что показывает его значимость не только для Российской Федерации, но и для всего человечества [1, с. 4].

Байкал как объект природного и правового регулирования является ядром Байкальской природной территории (далее по тексту – БПТ), которая охватывает Иркутскую область, Республику Бурятия, а также Забайкальский край.

Несомненно, вопросы относительно рационального природопользования, а также охраны уникальных экосистем, в том числе и ликвидации экологического ущерба, контролируются на государственном уровне. Поэтому в данный период исполняется ряд поручений Президента РФ В. В. Путина по охране оз. Байкал.

Озеро Байкал, а также прилегающие к нему территории были включены в Список всемирного наследия 5 декабря 1996 г. на 20-й сессии Ко-

митета по всемирному наследию ЮНЕСКО, и в рамках реализации международных обязательств Российской Федерации был принят Федеральный закон «Об охране озера Байкал» (далее по тексту – ФЗ «Об охране озера Байкал») [3].

Стоит также отметить, что, безусловно, важное значение имеют международные соглашения, которые регулируют трансграничные водные и экосистемные ресурсы, а также обеспечивают необходимую согласованность действий межгосударственных механизмов в аспекте правового регулирования режима охраны оз. Байкал.

В настоящее время наиболее действенным механизмом в сфере охраны оз. Байкал является один из основных институтов правового государства – судебная система. Правоприменительная практика международных соглашений, осуществляемая судами, позволяет оценить уровень правовой интеграции данных соглашений, а также выявить эффективные механизмы защиты природных объектов.

В ходе исследования за период с 2021 по 2024 г. была найдена в сети Интернет и в дальнейшем проанализирована правоприменительная практика с использованием положений международных конвенций, осуществленная судами общей юрисдикции, арбитражными судами, а также Верховным Судом РФ.

Наиболее частым в правоприменительной практике оказалось применение положений

Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее по тексту – Конвенция о всемирном наследии), принятой 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культур, ратифицирована СССР 9 марта 1988 г., что может свидетельствовать о важности и значимости данного международного соглашения [2].

В ходе анализа было выявлено, что в преобладающем большинстве использование положений данного международного соглашения было осуществлено арбитражными судами. Можно привести следующие примеры судебных актов арбитражных судов.

Судебное дело, рассмотренное Арбитражным судом Республики Бурятия от 25 ноября 2022 г. № А10-5114/2022, было инициировано обществом с ограниченной ответственностью «Тимлюйский цементный завод» (далее по тексту – ООО «Тимлюйцемент»). Общество обратилось в Арбитражный суд Республики Бурятия с требованием об отмене отказа Республиканского агентства лесного хозяйства (далее по тексту – РАЛХ) в утверждении проектной документации лесного участка площадью 17,3 га, расположенного в Кабанском лесничестве Тарakanовского месторождения, который предназначался для геологической разведки и добычи полезных ископаемых на основании лицензии.

В данном деле суд применил положения Конвенции о всемирном наследии относительно защиты и сохранения, а также принятия мер по предотвращению ущерба. Данные положения реализовывались посредством норм национального законодательства, включая ФЗ «Об охране озера Байкал», Лесной кодекс РФ (далее по тексту – ЛК РФ), а также постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2399 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» (далее – постановление № 2399), которое запрещает в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (далее – ЦЭЗ БПТ) разведку и разработку новых месторождений, если они ранее не подвергались разработке, и распоряжение Правительства РФ от 23 апреля 2022 г. № 999-р «Об утверждении перечня некапитальных строений, сооружений, не связанных с созданием лесной инфраструктуры, для защитных лесов, эксплуатационных лесов, резервных лесов», ограничивающее размещение объектов, которые не связаны с лесной структурой на особо защитных участках (далее по тексту – ОЗУ) для обоснования ограничений на использование лесного участка в ЦЭЗ БПТ. Доводы истца относительно

отсутствия необходимости в проведении экологической экспертизы были отклонены судом по причине того, что открытая добыча предполагает сплошную вырубку леса, а также нарушение почвенного покрова, что, соответственно, несовместимо с режимом особо защитных участков и целями Конвенции о всемирном наследии. В результате суд отказал в удовлетворении требований, указывая на несоответствие проектной документации лесохозяйственному регламенту и правовому режиму защитных лесов в ЦЭЗ БПТ [4].

Кроме того, при анализе правоприменительной практики были обнаружены арбитражные дела со схожим применением положений Конвенции о всемирном наследии, а именно: № А10-5113/2022, А10-5661/2023, А10-2353/2022 [5–7].

Также было обнаружено применение положений данной конвенции Арбитражным судом Иркутской области в *решении от 12 апреля 2021 г. по делу № А19-18977/2020*. Областное государственное бюджетное учреждение «Пожарно-спасательная служба Иркутской области» (далее по тексту – ОГБУ «ПСС Иркутской области») обратилось с иском в Арбитражный суд Иркутской области к Администрации Ольхонского районного муниципального образования о взыскании 332 249 руб. 56 коп. за оказание услуг по ликвидации разлива нефтепродуктов в акватории оз. Байкал в районе пристани п. Хужир (местность рыбзавода) 16 июля 2020 г. [8].

Суд в данном деле обратился к положениям Конвенции о всемирном наследии, а также к национальному законодательству относительно реализации международных обязательств. Суд установил, что работы ОГБУ «ПСС Иркутской области» способствовали защите оз. Байкал, однако отсутствие чрезвычайности ситуации и, самое главное, контракта исключает ответственность Администрации Ольхонского районного муниципального образования, в результате чего в удовлетворении исковых требований было отказано. Данное дело показало важность оперативного предотвращения и ликвидации экологических угроз, однако было выявлено ограничение со стороны законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг. Все это указывает на необходимость совершенствования правового регулирования для наиболее эффективной реализации международных обязательств, установленных Конвенцией о всемирном наследии.

В результате анализа правоприменительной практики, осуществленной судами общей юрисдикции, было обнаружено всего два судебных акта.

1. *Решение по делу № 2-3/2021*, вынесенное Северобайкальским городским судом Республики Бурятия. Прокурор Северобайкальской межрай-

онной прокуратуры обратился с иском в суд в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к акционерному обществу «Регионстрой» с требованием о признании незаконной деятельности компании по добыче песка и запрете данной деятельности на участке недр в Северо-Байкальском районе, который расположен в ЦЭЗ БПТ. Прокурор указывал на нарушение законодательства по охране оз. Байкал, поскольку участок недр является новым месторождением, которое не было ранее разрабатываемым. Ответчик возражал, ссылаясь на ранее проводимые разработки карьера во время строительства Байкало-Амурской магистрали, а также на то, что участок не входит в ЦЭЗ БПТ, поскольку добыча осуществлялась на основании лицензии.

Суд обратился к положениям Конвенции о всемирном наследии и национальному законодательству как к механизму реализации международных обязательств по охране оз. Байкал и устранению экологической угрозы. Суд отметил, что лицензия, на основе которой велась разработка карьера, была аннулирована постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17 мая 2021 г. по делу № А10-2918/2020 в связи с отсутствием законных оснований для ее выдачи, следовательно, добыча велась в нарушение ст. 23.2 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах». Далее суд сослался на ФЗ «Об охране озера Байкал», а также постановление № 2399, которые запрещают в ЦЭЗ БПТ разведку и разработку новых месторождений, которые ранее не были затронуты эксплуатационными работами. За неимением документальных доказательств законной разработки карьера суд отклонил доводы истца. В конечном итоге суд удовлетворил иск прокурора [9]. По данному делу можно сделать вывод о строгом соблюдении международных обязательств в сфере защиты оз. Байкал, указанных в Конвенции о всемирном наследии и последовательности реализации их исполнения через национальное законодательство.

2. Также было обнаружено решение от 15 ноября 2023 г. по делу № 2-355/2023, рассмотренному Ольхонским районным судом Иркутской области. Б. Л. Ю. был предъявлен иск к администрации Ольхонского районного муниципального образования (далее по тексту – ОРМО) с требованием о признании права собственности на земельный участок площадью 581 кв. м с видом разрешенного использования – для индивидуального жилищного строительства.

Истица утверждала, что земельный участок был предоставлен ей на основании постановления мэра ОРМО от 2012 г., далее по договору купли-продажи была произведена оплата и уча-

сток по акту приема-передачи был получен, однако не была завершена государственная регистрация права собственности, что в дальнейшем привело к снятию его с кадастрового учета в 2017 г. В 2022 г. участок был вновь поставлен на учет с другим кадастровым номером, однако регистрация права на него была отклонена из-за несоответствия кадастровых номеров в документах. Администрацией ОРМО было отказано во внесении изменений в договор купли-продажи.

Возражая против иска, администрация ОРМО указала, что участок расположен в ЦЭЗ БПТ и входит в состав Прибайкальского национального парка, и сослалась на положение ст. 27 Земельного кодекса РФ (далее по тексту – ЗК РФ), а именно на ограничения оборотоспособности земель, а также на нарушение процедуры межевания, которое было проведено без согласования с органами местного самоуправления.

Суд, сославшись на положения Конвенции о всемирном наследии и применяя нормы национального законодательства для реализации международных обязательств по защите оз. Байкал, указал, что первоначальное предоставление земельного участка было незаконным, так как земельные участки в ЦЭЗ БПТ не могут предоставляться в частную собственность, поэтому в удовлетворении исковых требований было отказано [10].

Данное дело несомненно показывает реализацию международных обязательств по охране оз. Байкал, однако стоит обратить внимание на ошибку органа местного самоуправления, который осуществил отчуждение земельного участка, не учитывая ограничений ЦЭЗ БПТ. Данная ситуация указывает на необходимость усиления контроля за соблюдением экологического законодательства.

В период с 2021 по 2024 г. было также обнаружено судебное решение от 9 марта 2023 г. Верховного Суда РФ по делу № АКПИ 23-53. Общество с ограниченной ответственностью «Кавынах» подало административный иск в Верховный Суд РФ с требованием о признании распоряжения Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 3056-р незаконным в части включения лесного участка с кадастровым номером 03:17:000000:6337, расположенного в Северо-Байкальском районе Республики Бурятия, в границы ЦЭЗ БПТ. Истец указывал на несоответствие критериям ЦЭЗ, которые указаны в п. 2 ст. 2 ФЗ «Об охране озера Байкал». Также истец указал на наличие лицензии на недропользование для поиска, разведки и добычи золота на участке недр россыпи ручья Кавынах (Нюрн-дукан), а также обратил внимание на то, что включение участка в ЦЭЗ БПТ ограничивает его права как недропользователя. Ответчик возра-

жал, ссылаясь на то, что законность включения спорного участка в ЦЭЗ БПТ подтверждена решением Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. № АКПИ 17-1100, которое признало распоряжение № 1641-р соответствующим законодательству.

Суд, действуя во исполнение международных обязательств, указанных в Конвенции о всемирном наследии, и реализуя исполнение посредством норм национального законодательства, подчеркнул, что распоряжение не изменяет границы ЦЭЗ БПТ, а лишь приводит их координаты в соответствие с системой ЕГРН, в соответствии с ФЗ «Об охране озера Байкал». Также суд отклонил довод истца о нарушении прав недропользователя, поскольку ограничения в ЦЭЗ БПТ обусловлены статусом Байкала как объекта всемирного наследия, а не данным распоряжением. В итоге в удовлетворении исковых требований было отказано [11].

Данное дело также показывает реализацию исполнения международных обязательств по защите оз. Байкал, однако можно увидеть определенные проблемы в отношении кадастровых несоответствий, тем самым возникает необходимость совершенствования системы кадастрового учета границ БПТ.

Резюмируя проведенные выше анализ и оценку правоприменительной практики со ссылками на положения Конвенции о всемирном наследии, осуществленной судами Российской Федерации в период с 2021 по 2024 г., можно констатировать то, что судами, несомненно, реализуется исполнение международных обязательств, указанных в данной конвенции, путем их имплементации в национальное законодательство.

С одной стороны, это показывает исключительную исполнимость данных международных обязательств, но с другой стороны, выявляются определенные проблемы, которые, конечно же, требуют решения.

Возможным из решений может быть усовершенствование правового регулирования внутригосударственного экологического законодательства относительно охраны оз. Байкал как объекта всемирного наследия, а также необходимость ведения пристального контроля за его соблюдением.

Переходя к рассмотрению судебных дел с применением Конвенции о биологическом разнообразии, принятой 5 июня 1992 г. и ратифицированной 20 декабря 1993 г., следует отметить, что в отличие от ранее упомянутой Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, а также далее указанной Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (далее – СИТЕС), судебная практика с

использованием данного международного акта была найдена только в судах общей юрисдикции [12]. Приведем следующие примеры из судебной практики.

1. *Решение от 10 ноября 2024 г. по делу № 2-3183/2024*, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Иркутска.

В данном деле по иску к ООО «Казачка Лес» Северобайкальский межрайонный природоохранный прокурор требовал взыскать ущерб, причиненный животному миру в результате сплошных рубок леса на арендованном участке площадью 122,6 га в Казачинско-Ленском лесничестве Иркутской области. Прокурор, действуя в интересах Российской Федерации, а также неопределенного круга лиц, требовал возмещения 101 140 руб. 30 коп. за нарушение вышеуказанным ООО «Казачка Лес» среды обитания охотничьих видов, таких как лось, соболь, косуля, медведь и др. При рассмотрении дела суд сослался на ст. 3 Конвенции о биологическом разнообразии, указав, что «основным условием сохранения биологического разнообразия является сохранение экосистем и естественных мест обитания, а также поддержание жизнеспособных популяций видов в их природной среде». Суд удовлетворил иск по данному делу, поскольку ответчик не предоставил каких-либо опровергающих доказательств, следствием чего являлось взыскание указанной ранее суммы в пользу муниципального образования Казачинско-Ленский район, а также госпошлины размере 4034 руб. Суд также подчеркнул, что действия ООО «Казачка Лес» являлись нарушением международных обязательств России и конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду [13].

2. *Решение от 24 марта 2021 г. по делу № 2-159/2021*, рассмотренному Петровск-Забайкальским городским судом.

В данном деле Забайкальский межрайонный природоохранный прокурор подал иск к ООО «ТЛПК «Авантаж» о взыскании ущерба, который был причинен животному миру, при осуществлении сплошных рубок леса на арендованном участке площадью 13,9 га в Петровск-Забайкальском лесничестве в границах Байкальской природной территории. Прокурор требовал взыскания 939 451 руб. 73 коп. (452 167 руб. 7 коп. за 2018 г. и 487 284 руб. 66 коп. за 2019 г.) за причинение ущерба охотничьим ресурсам. Прокурор в своих требованиях основывался на положениях ранее упомянутой Конвенции о биологическом разнообразии. Ответчик и его представители в суд не явились, вследствие чего данное дело было рассмотрено в заочном порядке и иск был удовлетворен. Суд в мотивировочной части также сослался на положение ст. 3

Конвенции. В итоге суд взыскал указанную ранее сумму в пользу муниципального района Петровск-Забайкальский и госпошлину 12 594 руб. 51 коп. в заочном порядке [14].

3. *Решение от 15 марта 2021 г. по делу № 2-194/2021*, рассмотренному Петровск-Забайкальским городским судом.

В данном деле Забайкальский межрайонный природоохранный прокурор предъявил иск к ООО «Феникс-2» о взыскании ущерба в размере 1 559 826 руб. 93 коп., причиненного животному миру сплошными рубками леса на арендованном участке площадью 136,68 га в Петровск-Забайкальском лесничестве в границах Байкальской природной территории. Ответчик утверждал, что факт причинения ущерба не был доказан, так как численность животных в районе не уменьшилась, а расчет был основан на обобщенных данных, а не на результатах обследования арендованного участка. Он также ссылался на отсутствие проведения проверок Росприроднадзора и на отсутствие договорных обязательств по возмещению ущерба. Суд отклонил данные доводы, указав при этом, что методика исчисления ущерба учитывает антропогенное воздействие сплошных рубок, в том числе их влияние на постоянную или временную откожевку животных, ухудшение защитных и кормовых условий, а также нарушение путей миграции. Суд также отметил, что стабильность численности животных в районе не может опровергать факт причиненного ущерба, поскольку животные осуществляют миграцию в зоны с меньшей антропогенной нагрузкой, что не исключает негативного воздействия на арендованном участке. Суд сослался на ст. 3 Конвенции, указав, что «основным условием сохранения биологического разнообразия является сохранение экосистем и естественных мест обитания». Суд взыскал указанную сумму в пользу бюджета муниципального района и госпошлину 15 999 руб. в заочном порядке, отметив нарушение международных обязательств России и принципа платности природопользования [15].

При этом стоит отметить, что во всех вышеупомянутых делах суды в большей степени делали акцент на нарушении ответчиками норм национального законодательства, например: ст. 9, 42 и 58 Конституции РФ (положения о праве на благоприятную окружающую среду, а также об обязанности бережного отношения к природе и возмещении ущерба) или ст. 58 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в сфере возмещения вреда охотничьим ресурсам) [16; 17].

Исходя из вышеуказанного анализа, можно проследить, что положения данной Конвенции о биологическом разнообразии играют немаловажную, однако при этом ограниченную роль в российской правоприменительной практике, применяясь в судах общей юрисдикции для обоснования исков о возмещении ущерба, причиненного экосистемам хозяйственной деятельностью.

Более разнообразна практика применения Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры (СИТЕС), принятой 3 марта 1973 г. и вступившей в силу 1 июля 1975 г. [18]. Примером ее использования в судебных решениях являются следующие дела.

1. *Решение от 23 октября 2023 г. по делу № А19-4611/2023*, принятое Арбитражным судом Иркутской области [19].

В данном судебном деле ООО «Охота-Тур» подало заявление к Службе по охране и использованию объектов животного мира Иркутской области о признании незаконными отказов в выдаче справок, которые подтверждали бы добычу 102 самцов кабарги в период сезона охоты 2022–2023 гг. Заявитель требовал признать незаконными письма вышеуказанной службы от 30 декабря 2022 г. № 02-84-3851/22, от 9 января 2023 г. № 02-84-14/23, № 02-84-15/23, а также от 14 февраля 2023 г. № 02-84-306/23, которые подтверждали отказ в подтверждении добычи для экспорта мускуса кабарги, который регулируется положениями СИТЕС. Суд в мотивировочной части решения сослался на п. 2 ст. 4 Конвенции, указав, что «экспорт видов из Приложения II, включая дериваты кабарги, требует предварительного получения разрешения, подтверждающего законность добычи». Заявитель закупал данные деривативы у НО «Тофаларская община “Ирбис”» и ООО «Ерма» по договорам комиссии, но при этом заявитель не получил разрешения СИТЕС от Росприроднадзора из-за отсутствия справок. Суд также установил, что Служба не обязана выдавать такие справки, поскольку это не предусмотрено Положением о Службе, и вынес решение о том, что вышеупомянутые отказы являются законными, поскольку законность добычи подтверждается оригиналами разрешений, а справки могли нарушить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Решение подчеркивает соблюдение норм СИТЕС через иные документы, не требуя дополнительных справок.

2. *Приговор от 7 июля 2023 г. по уголовному делу № 1-438/2023*, вынесенный Советским районным судом города Улан-Удэ.

В данном уголовном деле гражданин Российской Федерации обвинялся по п. «в» ч. 2 ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ за контрабанду

стратегически важных ресурсов группой лиц по предварительному сговору, а именно за незаконное перемещение 54 деривативов кабарги (1,479 килограмма стоимостью 2 807 774 руб.) через таможенную границу в аэропорту Улан-Удэ в июле 2022 г. Суд в своем решении сослался на ранее описанные положения п. 2 ст. 4 Конвенции, подчеркнув, что это экспорт дериватов кабарги, включенной в Приложение II СИТЕС. Данный гражданин, получив дериваты от соучастника в Новосибирске, замаскировал их в коробках и попытался вывезти их в Республику Корею через Монголию без декларирования. Доказательства по данному делу включали протоколы изъятия, экспертные заключения и показания свидетелей. Суд отверг доводы гражданина Российской Федерации о незнании порядка, отметив умышленное сокрытие груза. В итоге суд признал данного гражданина виновным в совершении вышеуказанного преступления и присудил ему 5 лет 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года, с учетом смягчающих обстоятельств, таких как раскаяние и отсутствие судимостей [20].

3. *Определение от 22 октября 2024 г. по делу № А19-4611/2023*, вынесенное Верховным Судом РФ в порядке кассации.

В данном случае Верховный Суд РФ рассмотрел в кассационном порядке жалобу Службы по делу № А19-4611/2023. В ходе данного рассмотрения ООО «Охота-Тур» подтвердило постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27 мая 2024 г., обязывающее Службу устранить нарушения. Суд по аналогии с предыдущими инстанциями по данному делу сослался на п. 2 ст. 4 СИТЕС. ООО «Охота-Тур» закупало мускус у Тофаларской общины «Ирбис» и ООО «Ерма» для экспорта, но столкнулось с отказами Службы в выдаче справок, подтверждающих добычу самцов по разрешениям 2022–2023 гг. Служба ссылаясь на отсутствие полномочий, однако суд округа установил, что она обладает данными из отрывных частей разрешений, необходимыми для проверки Росприроднадзором и ФГБУ «ВНИИ Экология». Отказы признаны незаконными, так как препятствовали экспорту и нарушали права заявителя (в соответствии с Федеральным законом № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Верховный Суд поддержал выводы, сделанные Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа, отметив, что справки должны обеспечивать прозрачность торговли по СИТЕС, при этом исключая легализацию незаконной добычи [21].

Как и при анализе практики по применению Конвенции о биологическом разнообразии, в данном случае установлено, что в своих решениях наибольший приоритет суды отдают национальному законодательству (например, Федеральный закон «О персональных данных»), хотя применяют и локальные международные акты (например, Таможенный кодекс ЕАЭС в случае уголовного дела № 1-438/2023).

Как можно увидеть, Конвенция СИТЕС занимает значительное место в российской правоприменительной практике, отличаясь разнообразием применения в судах общей юрисдикции, арбитражных судах, а также в Верховном Суде РФ. Суды последовательно используют положения данной Конвенции для обеспечения разрешительного порядка экспорта различных видов животных. Практика показывает эффективную интеграцию норм международного права с национальным законодательством, которая позволяет защищать многие виды животных от нелегальной охоты и вывоза с территории Российской Федерации.

При написании данной работы были затронуты положения основных международных конвенций, применяемые судами в сфере охраны оз. Байкал, однако есть и иные не менее значимые международные конвенции.

К примеру, в научной статье Р. Ю. Колобова и Е. Д. Макрицкой по теме «Анализ судебной практики по применению международных договоров в сфере охраны окружающей среды в Байкальском регионе» была проанализирована судебная практика в период с 2017 по 2020 г., в которой судами применялись положения Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсарская конвенция), принятой 2 февраля 1971 г. [22, с. 31; 23]. Однако использование норм данной конвенции в правоприменительной практике на территории регионов, входящих в ЦЭЗ БПТ, в 2021–2024 гг. отсутствует, что также подтверждает тенденцию к снижению использования норм международного права.

Также стоит отметить Конвенцию о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция), принятую 25 июня 1998 г. Принципы данной конвенции демонстрируют возможность повышения прозрачности природоохранных процессов, а имплементация ее механизмов путем создания Орхусского центра в г. Иркутске являлась бы наиболее эффективным катализатором по разрешению конфликтов на БПТ, обеспечивая при этом ба-

ланс между интересами местного населения и охраной уникальной экосистемы [24; 25, с. 133].

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что применение судами положений международных конвенций в сфере охраны оз. Байкал за 2021–2024 гг. не имеет широкого распространения. Положения Конвенции о всемирном наследии являются наиболее используемыми, в основном Арбитражным судом Республики Бурятия, преимущественно в арбитражных делах, связанных с ограничением хозяйственной деятельности и оборотоспособности земель в ЦЭЗ БПТ. Конвенция о биологическом разнообразии применяется гораздо реже и исключительно судами общей юрисдикции для обоснования взыскания экологического ущерба, однако положения Конвенции СИТЕС применяется различными судами, регулируя торговлю

видами дикой фауны, в анализируемой нами практике – кабаргой.

Несмотря на эффективность исполнения международных обязательств по охране оз. Байкал путем имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство, сохраняются определенные проблемы. Среди них можно выделить административные барьеры, нечеткость кадастровых границ, недостаточность инициативы граждан в сфере защиты экологических прав. Решение данных проблем и устранение недостатков возможны путем совершенствования правовых механизмов внутригосударственного экологического законодательства, четкости определения границ ЦЭЗ БПТ и повышения правовой осведомленности лиц, что обеспечит баланс между социально-экономическим развитием и охраной уникальной экосистемы оз. Байкал.

Список литературы

1. Галазий Г. И. Байкал в вопросах и ответах. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 383 с.
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Заключена в городе Париже 16 ноября 1972 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
3. Об охране озера Байкал : федер. закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2220.
4. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 25 ноября 2022 г. по делу № А10-5114/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DvXlrJtVuiY1/> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 4 мая 2023 г. по делу № А10-5113/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/dYpGAKvZBlrC/> (дата обращения: 28.10.2025).
6. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 18 марта 2024 г. по делу № А10-5661/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/MvWKLfjFsm5J/> (дата обращения: 28.10.2025).
7. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 14 сентября 2022 г. по делу № А10-2353/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mfQfQ99R7jWG/> (дата обращения: 28.10.2025).
8. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 12 апреля 2021 г. по делу № А19-18977/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DAYAXdKjIvRW/> (дата обращения: 28.10.2025).
9. Решение Северобайкальского городского суда от 9 июня 2021 г. по делу № 2-3/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jr7htjaHRDIC/> (дата обращения: 28.10.2025).
10. Решение Ольхонского районного суда от 15 ноября 2023 г. по делу № 2-355/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/K4tWmoncRIoq/> (дата обращения: 28.10.2025).
11. Решение Верховного Суда РФ от 9 марта 2023 г. по делу № АКПИ23-53. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2683s3W97mNR/> (дата обращения: 28.10.2025).
12. Конвенция о биологическом разнообразии (заключена в городе Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.
13. Решение Октябрьского районного суда города Иркутска от 10 ноября 2024 г. по делу № 2-3183/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SsgcKCe6HArW/> (дата обращения: 28.10.2025).
14. Решение Петровск-Забайкальского городского суда от 24 марта 2021 г. по делу № 2-159/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/D1xwdb9U7cQX/> (дата обращения: 28.10.2025).
15. Решение Петровск-Забайкальского городского суда от 15 марта 2021 г. по делу № 2-194/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CUL6TTkH5SYa/> (дата обращения: 28.10.2025).
16. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 1993. № 237.
17. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
18. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (заключена в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
19. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 23 октября 2023 г. по делу № А19-4611/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/UuOByKoyejZ8> (дата обращения: 28.10.2025).
20. Приговор Советского районного суда города Улан-Удэ от 7 июля 2023 г. по уголовному делу № 1-438/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8WICYIwwNsxJ/> (дата обращения: 28.10.2025).

21. Определение Верховного Суда РФ от 22 окт. 2024 г. по делу № А19-4611/2023. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vzMRGj6EFdWN/> (дата обращения: 28.10.2025).
22. Колобов Р. Ю., Макрицкая Е. Д. Анализ судебной практики по применению международных договоров в сфере охраны окружающей среды в Байкальском регионе // Международное право. 2020. № 2. С. 25-37.
23. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц (заключена 2 февр. 1971 г. в г. Рамсар). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
24. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) (заключена 25 июня 1998 г. в г. Орхус). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
25. Шорников. Д. В. Потенциал Орхусской конвенции для формирования международно-правового механизма охраны озера Байкал // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1. С. 127-133.

Некоторые проблемы реализации главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ

© Парфенова Т. В., 2025

Т. В. Парфенова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanyaparfanova020501@gmail.com

Научный руководитель:

Е. А. Таюрская, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tayurskaya@bk.ru

Аннотация. Анализируются теоретические и правовые аспекты, а также выявляются практические проблемы, связанные с применением гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В рамках исследования рассматриваются вопросы оспаривания действий (бездействий) государственных органов и ненормативных правовых актов, выявляются пробелы в законодательном регулировании и предлагаются пути его совершенствования с целью обеспечения эффективной защиты публичных интересов.

Ключевые слова: арбитражный суд, государственный орган, лакуна, корпоративные правоотношения, восстановление, срок.

Глава 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ предоставляет физическим, юридическим лицам и иным участникам право на обращение в арбитражный суд с целью оспаривания ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц. Основанием для такого обращения служит несоответствие оспариваемых актов закону или иным нормативным правовым документам, а также нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Подобные нарушения могут выражаться в незаконном возложении на заявителя обязанностей или в создании препятствий для осуществления его экономической деятельности. Таким образом, арбитражный суд выполняет функцию обеспечения защиты публичных интересов и поддержания законности в отношениях между государством и субъектами экономической деятельности, что является ключевым аспектом правового регулирования и обеспечения правопорядка в данной сфере.

Однако практика применения данной главы сталкивается с рядом проблем, обусловленных неопределенностью отдельных норм, сложностями их толкования и несоответствием законодательного регулирования реальной практике.

Настоящая статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов и анализу практических проблем, связанных с реализацией положений гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В рамках исследования рассмотрены следующие вопросы: во-первых, проведение анализа действующего законодательства и судебной практики, касающейся оспаривания в арбитражном суде действий (бездействия) госу-

дарственных органов; во-вторых, исследование особенностей и проблем, возникающих при рассмотрении дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений; в-третьих, выявление лагун в законодательном регулировании, препятствующих эффективной защите публичных интересов; в-четвертых, разработка предложений по совершенствованию правового регулирования и механизмов судебного применения положений гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Существующие научные исследования, такие как работы Ю. В. Пивоварова [7], О. В. Шмаллий [12], П. И. Кононова [1], С. С. Крипиневича [2], посвященные административно-процессуальному контролю в арбитражном судопроизводстве, внесли значительный вклад в изучение данной проблематики. Тем не менее актуальность темы сохраняется в связи с необходимостью разработки практических рекомендаций, направленных на устранение препятствий в реализации публично-властных функций и защиту интересов хозяйствующих субъектов и граждан от неправомерных действий органов государственной власти.

В рамках рассмотрения данного вопроса следует руководствоваться положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 (далее по тексту – Постановление № 21) [3]. Глава 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ устанавливает судебный порядок оспаривания ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями. Дела об оспаривании указанных актов, решений

и действий рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным ст. 197 АПК РФ. Заинтересованное лицо, чьи права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности нарушены незаконными актами, решениями или действиями (бездействием), вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании их недействительными в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и законных интересов.

Арбитражный суд может признать ненормативный правовой акт недействительным полностью или частично, если он не соответствует закону или иным нормативным правовым актам и нарушает права и законные интересы заявителя. Признанный недействительным акт не подлежит применению с момента вступления решения суда в законную силу. Важно отметить, что если при оспаривании ненормативного правового акта заявитель одновременно заявляет имущественные требования, например о возврате денежных средств, взыскании убытков, арбитражный суд может рассмотреть их совместно с требованиями о признании акта недействительным либо выделить их в отдельное производство.

В случае признания ненормативного правового акта недействительным и восстановления нарушенных прав и законных интересов заявителя арбитражный суд вправе взыскать с соответствующего органа, должностного лица компенсацию за причиненные убытки, за исключением случаев, когда оспариваемый акт был издан налоговым, таможенным или иным органом, действующим в сфере публичных правоотношений, в рамках установленных законом процедур.

Анализ научной литературы демонстрирует разнообразие позиций ведущих правоведов. Их мнения варьируются в зависимости от глубины изучения нормативного материала и накопленного исследовательского опыта. Ниже представлены ключевые взгляды на проблемы реализации данной главы.

Ю. В. Пивоваров акцентирует внимание на сложностях, связанных с квалификацией правонарушений в арбитражном судопроизводстве, регулируемом гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Он отмечает, что отсутствие четких критериев для идентификации оснований предъявления иска создает предпосылки для некорректной интерпретации правовых норм судьями и возможного нарушения прав участников арбитражного процесса [7, с. 236–238].

О. В. Шмалий подчеркивает специфику доказывания фактов нарушения публичного интереса по делам, рассматриваемым в рамках гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. По ее мнению, сложившаяся судебная прак-

тика характеризуется недостаточным пониманием характера нарушений и несоответствием заявленных требований фактическому содержанию спора. В связи с этим О. В. Шмалий предлагает внести изменения в кодекс, направленные на обеспечение четкого определения сущности нарушений и их правовых последствий [12, с. 265–266].

П. И. Кононов выделяет процессуально-технические сложности, возникающие при подготовке и подаче исковых заявлений в арбитражный суд в рамках гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса. Он указывает на три группы факторов, влияющих на качество арбитражного судопроизводства: 1) неопределенность понятий, 2) ограниченный круг полномочий суда и 3) недостаток возможностей для всестороннего исследования обстоятельств правонарушения [1, с. 63–65].

С. С. Крипинева акцентирует внимание на необходимости обеспечения единства и согласованности правовых норм, регулирующих рассмотрение дел о защите публичных интересов. Ученый отмечает недостаточную сформированность практики по данной категории дел и предлагает концептуальные изменения, направленные на преодоление существующих проблем. Особое внимание уделяется взаимосвязи экономических и административных споров, что оказывает влияние на развитие арбитражного правосудия [2, с. 15–19].

Представленные научные подходы дополняют общее понимание проблем и перспектив реформирования арбитражного судопроизводства в контексте регулирования гл. 24 АПК РФ. Они демонстрируют широкий спектр мнений и подчеркивают необходимость комплексного анализа и совершенствования нормативного регулирования данной сферы.

Перейдем к анализу коллизий, возникающих в положениях гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса, а также к рассмотрению примеров судебной практики, подтверждающих наличие данных коллизий. Лакуны в праве возникают в случаях противоречия между двумя или более правовыми нормами, порождая двусмысленность или неопределенность в правовом регулировании.

Во-первых, например, ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса регламентирует процедуру обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, которые противоречат законодательству и нарушают права и законные интересы физических и юридических лиц. Однако на практике возникают сложности при определении предмета спора в случаях, когда в действиях или бездействии органов государственной власти обна-

руживаются признаки, относящиеся к разным категориям дел, т. е. административным, экономическим, корпоративным, что приводит к столкновению правовых квалификаций.

Эта проблема подтверждается судебной практикой. Например, в определении Верховного Суда РФ от 15 июня 2017 г. № 305-КГ17-5605 по делу № А40-61333/2016 было отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ ввиду отсутствия в жалобе конкретизации нарушенных прав и законных интересов заявителя, а также способов их восстановления посредством признания оспариваемых актов незаконными [5]. Аналогично в определении Верховного Суда РФ от 14 июня 2017 г. № 303-КГ17-6877 по делу № А51-11156/2016 отказ в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ был мотивирован отсутствием оснований для удовлетворения заявленных требований, которые были установлены нижестоящими судебными инстанциями [4]. Примеры иллюстрируют необходимость четкого определения предмета спора и конкретизации нарушений прав и законных интересов для успешного обжалования действий (бездействия) органов государственной власти в соответствии со ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Во-вторых, анализ ст. 198–201 АПК РФ выявляет проблему недостаточной точности используемой терминологии и неопределенности понятий. Расплывчатость формулировок, особенно в отношении терминов «заинтересованное лицо» и «публичный интерес», затрудняет однозначное определение сторон арбитражного процесса, а именно истца и ответчика. Данная проблема иллюстрируется, например, постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2017 г. № 08АП-8196/2017 по делу № А46-13659/2016. В данном постановлении суд отметил, что «анализ положений АПК РФ позволяет прийти к выводу, что термин “заинтересованные лица” используется в различных значениях: как инициатора спора (например, согласно ч. 2 ст. 191 АПК РФ производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов возбуждается на основании заявлений заинтересованных лиц, обратившихся с требованием о признании такого акта недействующим), ответной стороны спора (ст. 40 АПК РФ), лиц, участвующих в рассмотрении спора (ч. 2 ст. 194 АПК РФ)» [9]. Следует отметить, что указанная проблема не была разрешена в Постановлении № 21.

В рамках общей теории права понятие «интерес» традиционно интерпретируется как целенаправленное стремление субъекта к достижению определенных благ или целей, правовое

регулирование которых осуществляется посредством соответствующих норм права. В юридической науке предпринимаются систематические усилия по классификации и систематизации правовых интересов, что позволяет глубже понять их природу и функциональное значение в правовой системе. Одной из ключевых классификаций является дифференциация интересов по субъектному составу, которая выделяет индивидуальные (частные) интересы отдельных лиц и коллективные (публичные) интересы групп, объединенных общими потребностями.

Публичные интересы как особая категория правовых интересов включают государственные интересы, представляющие собой общественные интересы, реализуемые посредством деятельности государственных институтов. Однако Е. А. Белоусова подчеркивает, что полное совпадение государственных и общественных интересов представляется недостижимой утопией [8, с. 62]. Взаимодействие государственных органов с различными социальными структурами, такими как политические партии, отдельные должностные лица и другие, неизбежно порождает противоречия. Демократические механизмы, направленные на минимизацию этих конфликтов, не всегда могут полностью их устранить, что свидетельствует о незавершенности процесса становления правового государства в Российской Федерации, по мнению ряда экспертов.

Е. А. Белоусова отмечает, что важно проводить четкое разграничение между понятиями публичного, государственного и общественного интересов. Кроме того, в п. 12 Постановления № 21 публичный интерес определяется как интерес неопределенного круга лиц. Это определение фактически синонимично общественному интересу, что вызывает определенные дискуссии. Однако данное толкование не снимает необходимости четкого разграничения всех трех понятий и предотвращения их неправомерного отождествления.

В-третьих, применение положений гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ в разрешении корпоративных споров представляет собой сложную задачу, обусловленную несоответствием общих арбитражных норм специфике корпоративных правоотношений. Это приводит к возникновению правовых коллизий, которые затрудняют выбор надлежащего процессуального порядка. Глава 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ, например, не применяется к делам об оспаривании зарегистрированных прав на недвижимое имущество. Разрешение таких споров в арбитражном судопроизводстве противоречит установленным законодательным процедурам, которые требуют применения иного процессуального порядка.

Оспаривание действий (бездействия) регистрирующих органов в соответствии с нормами гл. 24 АПК РФ допускается только при условии, что это не затрагивает прав и обязанностей третьих лиц. В контексте корпоративных споров, которые характеризуются многосторонним характером, данное ограничение приводит к возникновению правовых коллизий. Судебная практика это подтверждает. Например, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2024 г. по делу № 305-ЭС24-15238 указано, что оспаривание регистрации прекращения права собственности на недвижимое имущество, находящееся в общей долевой собственности, недопустимо в гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ, поскольку это может повлиять на права собственников [6].

Таким образом, суды сталкиваются с правовой коллизией между общей нормой гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса и спецификой корпоративных споров, регламентированных ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса. Последняя требует учета особенностей создания, управления и участия в деятельности юридического лица. Невозможность применения единого процессуального порядка ко всем корпоративным спорам вынуждает судей проводить анализ связи предмета спора с корпоративными отношениями для определения целесообразного процессуального механизма. Это отражает конфликт между универсальными положениями гл. 24 и потребностями разрешения сложных корпоративных конфликтов.

В-четвертых, нормы гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса, регулирующие восстановление пропущенных процессуальных сроков, не предусматривают исчерпывающего перечня уважительных причин. Оценка уважительности причин пропуска срока, независимо от наличия или отсутствия ходатайства заявителя, осуществляется судом индивидуально в каждом конкретном случае на стадии предварительного заседания или в ходе основного судебного разбирательства. Суд может признать причины уважительными при установлении обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности соблюдения установленного срока.

К таким обстоятельствам, в частности, относятся предшествующее обращение в суд прокурора или иного лица; предъявление до обращения в суд требований, направленных на защиту прав заявителя (например, прокурорского представления); иные обстоятельства, объективно создавшие у заявителя уверенность в возможности защиты его прав внесудебными способами, а также обстоятельства, которые сами по себе не являются уважительными, но обусловлены доб-

росовестным заблуждением заявителя относительно реализации своих процессуальных прав (например, несвоевременное предоставление необходимых документов государственными органами). Однако судебная практика по данному вопросу демонстрирует неоднозначный подход, что подтверждается примерами удовлетворения ходатайств о восстановлении пропущенных сроков, например решение Арбитражного суда Приморского края от 21 октября 2024 г. по делу № А51-9906/2024 [11]. В обоснование ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока заявитель представил следующие доводы: длительное отсутствие единоличного исполнительного органа в месте деятельности юридического лица явилось непреодолимым препятствием для организации эффективного взаимодействия с государственными налоговыми органами. Данное обстоятельство, в свою очередь, обусловило невозможность своевременного реагирования на процессуальные требования, что привело к несоблюдению установленного законом срока подачи заявления в арбитражный суд. На основе проведенного анализа и представленных аргументов Арбитражный суд Приморского края пришел к заключению об уважительности причин пропуска процессуального срока. И в соответствии с положениями ч. 2 ст. 208 Арбитражного процессуального кодекса РФ суд удовлетворил ходатайство о восстановлении пропущенного срока.

Однако важно проанализировать также пример отказа в восстановлении, например постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2009 г. по делу № А21-2856/2008 [10]. Суд, основываясь на положениях ст. 117 Арбитражного процессуального кодекса РФ, пришел к выводу, что с момента получения судебного акта, подлежащего обжалованию, у заявителя имелся достаточный временной ресурс для надлежащей подготовки и своевременной подачи апелляционной жалобы. Отсутствие руководителя организации, по мнению суда, не может являться уважительной причиной для пропуска процессуальных сроков. Более того, в ходе судебного заседания присутствовали представители истца, обладающие необходимыми полномочиями для обжалования судебного акта. Это свидетельствует о том, что заявитель имел возможность реализовать свои процессуальные права в установленном законом порядке и в установленные сроки.

В ходе проведенного исследования в двух идентичных ситуациях основанием для подачи ходатайства о восстановлении процессуального срока служило отсутствие единоличного исполнительного органа. Несмотря на идентичность представленных аргументов, в одном случае суд

удовлетворил ходатайство, в то время как в другом – отказал. Данный факт указывает на дискреционный характер судебных решений в вопросах восстановления пропущенных сроков и на отсутствие единообразной судебной практики в рассматриваемой сфере.

Таким образом, коллизии в судебной практике, возникающие при применении гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса, обусловлены нечеткостью ключевых понятий и несовершенством механизма распределения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Проблема усугубляется неоднозначным толкованием таких терминов, как «публичный интерес», «заинтересованное лицо», а также пересечением полномочий судов и отсутствием четких сроков исковой давности. Для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий уточнение законодательной терминологии, совершенствование механизма распределения компетенции, минимизацию риска разночтений в толковании норм права и урегулирование вопросов исковой давности.

В частности, предлагается дополнить ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса исчерпывающим перечнем признаков публичного интереса, дополнить Постановление № 21 объективными критериями отнесения дел к ведению арбитражных судов. Для повышения прозрачности и предотвращения пересечения полномочий необходимо разработать детальный классификатор дел, подсудных гл. 24, создать единый реестр дел и ввести обязательное требование для арбитражных судов о публикации подробного обоснования подсудности каждого дела. Наконец, для устранения неопределенности, связанной со сроками исковой давности, следует уточнить положения ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса, установив конкретные сроки или же единый, более длительный срок исковой давности, например три года. Реализация этих мер позволит повысить эффективность правосудия и существенно снизить количество коллизий.

Список литературы

1. Кононов П. И., Чепурных М. В. Административный судебный контроль в системе российского судопроизводства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 14. С. 60–65.
2. Крипиневиц С. С. Судебная практика и ее единство: проблемы определения и пути их решения // Право и политика. 2023. № 11. С. 11–21.
3. О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9. С. 6–16.
4. Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2017 г. № 303-КГ17-6877 по делу № А51-11156/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=503103#iSzaviUFQJGjBmV6> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Определение Верховного Суда РФ от 15 июня 2017 г. № 305-КГ17-5605 по делу № А40-61333/2016. URL: <https://base.garant.ru/71698698/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 дек. 2024 г. № 305-ЭС24-15238. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=842217#8HtsviUolhEIqNra2> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Пивоваров Ю. В. Особенности административного судопроизводства в арбитражных судах // Академическая публицистика. 2023. № 9-2. С. 235–240.
8. Белоусова Е. А. Понятие публично-правового интереса в арбитражном процессе // Вестник ПАГС. 2014. № 6 (45). С. 61–65.
9. Постановление от 29 июня 2017 г. по делу № А46-13659/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EcODXUDfQSgw/> (дата обращения: 20.04.2025).
10. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24 июня 2009 г. по делу № А56-16417/2008. URL: <https://www.zakonrf.info/apk/117/> (дата обращения: 20.04.2025).
11. Решение Арбитражного суда Приморского края от 21 октября 2024 г. по делу № А51-9906/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wCayV2XnwMml/> (дата обращения: 06.05.2025).
12. Шмалий О. В. Современные тенденции развития административного судопроизводства в Российской Федерации // Парадигма экономического процесса и его правовое обеспечение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 12–13 дек. 2014 г. Ростов н/Д. : Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2015. С. 262–267.

Исключение участника из состава участников общества как способ решения корпоративного конфликта в Российской Федерации

© Перевозников Е. Д., 2025

Е. Д. Перевозников

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: perevoznikov.12002@gmail.com

Научный руководитель:

С. А. Комков, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: misterkomkov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности исключения участника из состава участников общества как способа решения корпоративного конфликта, общая характеристика, основания, порядок, последствия исключения участника, а также основная проблематика института исключения. Необходимость данного исследования обусловлена рассмотрением проблемных вопросов, а также изучением судебной практики путем сравнения и сопоставления.

Ключевые слова: исключение участника, корпоративный конфликт, корпорация, корпоративные отношения.

Любая длительная совместная деятельность рано или поздно приводит к определенному рода конфликтам. Это утверждение можно отнести и к юридическим лицам, в которых есть несколько участников. Между участниками общества могут возникать недосказанности, взаимные претензии относительно деятельности корпорации, влиять на взаимоотношения могут и различные внешние факторы, личностные характеристики участника(-ов).

Как правило, под разрешением корпоративных конфликтов понимаются ситуации, связанные с оспариванием решений общего собрания участников, признанием недействительности сделок, заключенных от имени общества, либо со взысканием убытков с виновных лиц. Однако на практике такие меры не всегда способны устранить причины конфликта или восстановить стабильность внутри корпоративного коллектива.

Большинство корпоративных споров в своей сути сводятся к утрате участниками заинтересованности в дальнейшем совместном ведении бизнеса. В этом случае полное урегулирование конфликта возможно лишь через принятие решений, направленных на прекращение общего предприятия (например, ликвидация или реорганизация) либо изменение состава участников общества – через выход или исключение одной из сторон, утрачивающей интерес к корпоративному сотрудничеству или подрывающей его.

В соответствии с распространенной в отечественной доктрине точкой зрения исключение участника представляет собой специальный корпоративный способ защиты прав участников общества с ограниченной ответственностью [1, с. 308]. Однако не стоит забывать, что данный специальный корпоративный способ может

функционировать только с учетом тех принципов, которые уже положены в основу традиционных разделов гражданского права.

В данном случае необходимо понимать, что в отношениях участников в обществе присутствует товарищеский критерий. В случае, когда мы говорим, что в отношениях в обществе есть товарищеский критерий, то и доверительный мы тоже не должны упускать. Как минимум лица, состоящие в обществе, обязаны действовать в его интересах (например, получение обществом прибыли). Сюда же мы должны отнести такой критерий, как лояльность (верность), т. е. ставить в приоритет интересы общества и воздерживаться от действий (бездействий), которые так или иначе могут нанести ему вред.

Отношения между участниками товарищества характеризуются высоким уровнем доверия, поскольку каждый участник зависит от поступков остальных. В этой связи подобные отношения предусматривают, что каждый участник обязан вести себя в отношении общей деятельности с полной добросовестностью и разумностью, а также активно работать в интересах всего товарищества.

Именно поэтому в вопросе исключения участника критерий доверия в отношениях между участниками общества очень важен, так как, осуществляя свою деятельность, лица находятся в зависимости друг от друга. В одном из Обзоров Верховного Суда РФ утрата доверия между участниками рассматривается в качестве одного из оснований для исключения [2].

Прежде всего, исключение участника можно охарактеризовать как санкцию за нарушение обязанности участника действовать в интересах общества.

Однако исключение возможно и в качестве последствия правомерного поведения участника (акционера, в случае с непубличным Акционерным обществом), которое нарушает интересы общества, затрудняя его деятельность.

Данную характеристику можно соотнести с трактовкой п. 1 ст. 67 ГК РФ, а также ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [3], которая определяет, что основаниями для исключения участника являются:

1) грубое нарушение обязанностей участника;

2) действия (бездействия), которые делают невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняют.

Толкование ст. 10 Закона об ООО часто основывается на «договорной» модели, в рамках которой общество рассматривается как форма объединения лиц, заключивших соглашение о совместной предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли. В этом контексте исключение участника воспринимается как аналог расторжения «договора» при его существенном нарушении, согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Соответственно, действия или бездействия участника, противоречащие обязанности действовать в интересах общества, могут квалифицироваться как нарушение условий такого «договорного» взаимодействия. Это предоставляет другим участникам право требовать в судебном порядке исключения нарушителя из состава общества в целях защиты корпоративных интересов и восстановления нормального управления.

Здесь необходимо разобраться, что является «интересом» общества. Основная цель деятельности общества – извлечение и распределение прибыли между участниками. Тем самым нарушение будет существенным для исключения только тогда, когда оно сможет так или иначе повлиять на интересы общества, т. е. на возможность извлекать и распределять прибыль между участниками.

Указанный выше вывод подтверждается и правоприменительной практикой. В Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» [2] (далее – ВАС РФ № 151) изложены правовые позиции о том, что:

1) мера в виде исключения участника подлежит применению в случаях, когда лицо совершает действия, заведомо влекущие вред для общества, тем самым нарушая доверие между

его участниками и препятствуя продолжению нормальной деятельности общества (п. 1 Обзора);

2) совершение участником общества действий, заведомо противоречащих интересам общества, при выполнении функций единоличного исполнительного органа, при осуществлении полномочий, предоставленных ему на основании доверенности, выданной обществом, может являться основанием для исключения такого участника из общества, если эти действия причинили обществу значительный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили (п. 2, 3 Обзора);

3) голосование участника по вопросам повестки дня общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, а равно систематическое уклонение от участия в собраниях могут являться основанием для исключения участника из общества, если такие действия (бездействие) причиняют значительный вред обществу или делают невозможной деятельность общества либо существенно ее затрудняют (п. 4 Обзора).

Указанные выше положения Обзора дают представление о том, какую аргументацию использовал ВАС РФ, говоря о «значительности вреда».

Так или иначе, значительность вреда будет оцениваться судом с учетом последствий, которые возникли вследствие причинения этого вреда. Существенность вреда зависит от имущественного положения общества, является категорией оценочной и устанавливается судом при рассмотрении иска об исключении.

Для того чтобы более детально проанализировать вопрос о наличии оснований, рассмотрим, что понимает правоприменительная практика под грубым нарушением обязанностей.

В частности, об этом упоминается в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 (далее – ПП ВС РФ № 25), в котором конкретно выделяются несколько случаев, которые при определенном исходе могут быть основанием для исключения участника [4]. В их число входят:

1) систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения, если принятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет;

2) причинение значительного ущерба имуществу общества;

3) недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества;

- 4) экономически необоснованное увольнение всех работников;
- 5) осуществление конкурирующей деятельности;
- 6) голосование за одобрение заведомо убыточной сделки.

Не стоит забывать о таком условии для исключения участника, как вина.

Хотя напрямую вопрос вины участника не урегулирован в положениях Закона об ООО, он все же находит косвенное отражение в подп. «в» п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» (далее – ПП ВС РФ и ВАС РФ № 90/14) [5]. В данном разъяснении подчеркивается, что при рассмотрении дела об исключении участника необходимо учитывать наличие его вины и степень виновности, при этом особое внимание обращается на связь между допущенным нарушением и возможными неблагоприятными последствиями для общества. Таким образом, хотя вина и не считается безусловным основанием, она рассматривается как существенный фактор, который должен приниматься во внимание в совокупности с другими обстоятельствами.

При этом следует четко различать правовую природу основания для исключения: относится ли оно к мерам ответственности за противоправное поведение участника либо представляет собой механизм защиты корпоративных интересов. От правильной квалификации зависит, необходимо ли устанавливать вину участника в конкретной ситуации. Если исключение инициируется как санкция за нарушение норм закона или положений устава, наличие вины становится обязательным элементом. Кроме того, требуется подтвердить сам факт неправомерного поведения, установить, что в результате возникли или могли возникнуть существенные трудности в функционировании общества или достижении его целей, а также проследить причинно-следственную связь между поведением участника и возникшими последствиями.

Если же исключение осуществляется как способ защиты общества, достаточно установить наличие поведения участника, приведшего к негативным последствиям (в частности, серьезным трудностям в деятельности общества), а также наличие причинно-следственной связи между этим поведением и возникшими трудностями.

Кроме того, следует учитывать еще один важный критерий – факт наступления негативных последствий. Как уже упоминалось, этот критерий прямо закреплен в положениях Гражданского кодекса РФ и Закона об ООО. Обобщая

данные нормы, можно прийти к выводу, что под негативными последствиями понимается либо невозможность осуществления деятельности хозяйственного общества, либо ее значительное затруднение.

Если рассуждать о закрытости или открытости перечня оснований для исключения, содержащихся в законодательных предписаниях, то судебная практика в данном вопросе неоднозначна. Так, некоторые суды трактуют ст. 10 Закона об ООО как содержащую в себе исчерпывающий перечень оснований [6], другие в своих решениях говорят, что ст. 10 предусматривает исчерпывающий перечень [7].

В качестве самых частых оснований по исключению участника из общества можно выделить следующие:

- 1) причинение убытков обществу;
- 2) систематическое уклонение от участия в голосовании;
- 3) совершение действий, препятствующих основной деятельности общества;
- 4) действия, направленные на ликвидацию;
- 5) фальсификация заявления об исключении;
- 6) незаконная реорганизация;
- 7) действия по захвату корпоративного контроля;
- 8) разглашение конфиденциальной информации.

Данный перечень – это итоги небольшого анализа судебной практики, исходя из которого выделены конкретные случаи. Самое основное, что присутствует во всех делах, вытекающих из этих оснований, так это то, что ответчики:

- а) либо грубо нарушали обязанности;
- б) либо делали продолжение жизнедеятельности общества невозможной;
- в) либо существенно затрудняли деятельность общества и причиняли вред своими действиями (бездействиями).

При рассмотрении вопросов, связанных с корпоративной ответственностью, необходимо учитывать действие принципа специалитета, присущего данной отрасли права. Суть этого принципа заключается в том, что за нарушение отдельных корпоративных обязанностей законом установлены специальные, строго определенные правовые последствия, которые носят исчерпывающий характер и не допускают произвольного расширения или замены иными мерами ответственности. Это означает, что если законодатель прямо предусмотрел конкретную санкцию за определенное корпоративное нарушение, то применение иных мер, в том числе исключения участника из состава корпорации, становится юридически недопустимым.

Примером может служить ситуация, связанная с нарушением обязанности по внесению

полного вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью. Если участник ООО не вносит установленную долю полностью в предусмотренный срок, закон прямо устанавливает специальное последствие в виде перехода неоплаченной части доли в уставном капитале к обществу. Данный правовой механизм не предполагает применения альтернативных санкций, таких как исключение участника из общества. Следовательно, подобное нарушение, хотя и представляет собой недобросовестное исполнение участником своей обязанности, не может служить основанием для его исключения, поскольку специальная мера ответственности уже установлена и реализуется в рамках законодательства.

Касаемо порядка исключения участника из общества можно с уверенностью сказать, что законодатель так или иначе постарался дать конкретные положения по этому вопросу.

В соответствии со ст. 10 Закона об ООО участники, которые обладают в совокупности не менее 10 % доли в уставном капитале общества, имеют право обратиться в суд с иском об исключении.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: в российской системе права действует судебный порядок исключения участника из общества, при котором право на предъявление соответствующего требования принадлежит участнику (участникам), который обладает не менее 10 % уставного капитала.

Такой подход в должной мере гарантирует соблюдение прав миноритарных участников и не нуждается в изменениях.

Представляется, что в части оснований и порядка исключения участника из общества необходимо достаточно объемный анализ судебной практики.

Теперь перейдем к более детальному исследованию того, что происходит уже после исключения участника из общества и какие последствия обязательны или могут произойти в той или иной ситуации.

Если анализировать данный вопрос детально, то необходимо понимать, что институт исключения участника сам по себе сложен, не сформирован досконально и конкретно, вследствие этого возникает много смежных вопросов, на которые дает ответ уже судебная практика.

Итак, по смыслу подп. 4 п. 7 ст. 23 Закона об ООО следует, что одним из последствий исключения является переход доли исключенного участника обществу. Из п. 8 той же статьи вытекает уже следующее: общество обязано выплатить действительную стоимость доли или части доли в уставном капитале общества либо выдать в натуре имущество такой же стоимости в течение одного года со дня перехода к обществу до-

ли или части доли, если меньший срок не предусмотрен настоящим Федеральным законом или уставом общества.

Поэтому выделим два основных последствия:

1) после того как решением суда участник исключается, его доля переходит обществу;

2) общество после исключения участника обязано выплатить действительную стоимость этой доли или части доли исключенному участнику в течение года (срок может быть уменьшен согласно уставу).

Согласно п. 2 ст. 14 Закона об ООО действительная стоимость доли – это часть стоимости чистых активов, пропорциональная размеру доли участника, определяемая по данным бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дате вступления в законную силу решения суда об исключении (п. 4 ст. 23 Закона об ООО).

Однако, делая анализ практики Президиума ВАС РФ, можно заметить, что исключенный участник имеет право требовать выплаты действительной стоимости доли, рассчитанной с учетом рыночной стоимости имущества, принадлежащего обществу [8].

Необходимо отметить, что Закон об ООО устанавливает два вида выплат действительной стоимости: деньгами или имуществом.

Законом установлен такой порядок – по умолчанию действительная стоимость выплачивается деньгами. Имуществом же можно выплатить в случае, когда решение суда об исключении уже вступило в силу и есть предложение о такой выплате со стороны общества, а также есть согласие исключаемого участника.

Такой вывод напрашивается при анализе правовых актов и судебной практики. Например, «статьей 320 ГК РФ (в текущей редакции – ст. 308.1 ГК РФ) установлено, что должнику, обязанному передать кредитору одно или другое имущество либо совершить одно из двух или нескольких действий, принадлежит право выбора, если из закона, иных правовых актов или условий обязательства не вытекает иное. Таким образом, исходя из названной правовой нормы, именно обществу принадлежит право выбора формы выплаты действительной стоимости доли – в имущественном либо денежном выражении» [9].

На вопрос, какое именно имущество общество обязано передавать исключаемому участнику, отвечает п. 16 ПП ВС РФ и ВАС РФ № 90/14: «...в случае оплаты участником своего вклада в уставный капитал имуществом, при выходе из общества он не вправе требовать возврата именно этого имущества».

Следовательно, самое важное в вопросе выплаты действительной стоимости доли – пра-

вильно рассчитать ее стоимость, определить порядок выплаты, выполнить требования для передачи имущества.

Основным юридическим результатом удовлетворения судом и вступления в законную силу решения об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью становится разрыв правовых отношений между обществом и соответствующим участником. Это означает утрату лицом статуса участника, вследствие чего прекращается действие взаимных корпоративных прав и обязанностей, ранее существовавших между обществом и данным субъектом.

Именно поэтому считается, что исключение участника из общества – это та мера, которая должна применяться в крайних случаях. Потому что так или иначе данный участник был активным субъектом правоотношений в рамках деятельности этого общества. Соответственно, нужно подходить к такому шагу очень ответственно.

Переходя к анализу проблем правоприменения института исключения участника из общества, необходимо отметить, что сама по себе эта процедура достаточно сложная. В связи с этим вопросы применения данного института постоянно являются объектом споров и противоречий как в доктрине, так и в судебной практике.

В частности, это вытекает из противоречий законодательства. Для обществ с ограниченной ответственностью наряду с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ продолжает действовать ст. 10 Закона об ООО, согласно которой участник может быть в судебном порядке исключен из ООО, если он грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

В данном случае возникает недосказанность, так как ст. 10 Закона об ООО входит в противоречие с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ: по ГК РФ участника можно исключить из ООО только при причинении обществу существенного вреда либо существенного затруднения его деятельности и достижения целей, ради которых общество создавалось, в том числе грубо нарушая свои корпоративные обязанности, а по Закону об ООО участник может быть исключен из ООО и без этих последствий, в силу одного лишь грубого нарушения своих обязанностей. Противоречие между ГК РФ и Законом об ООО возникает и в вопросе о том, кому предоставляется право требовать в судебном порядке исключения участника из ООО. В ГК РФ такое право принадлежит любому остающемуся участнику ООО, а в Законе об ООО такое право предоставляется только участникам общества, доли кото-

рых в совокупности составляют не менее чем 10 % уставного капитала общества.

Возможно, что для любых корпоративных организаций основания и порядок исключения участников из юридического лица должны быть унифицированы и регулироваться общими нормами ГК РФ.

Определенное решение проблемы выдвигает О. В. Гутников. Он предлагает следующую конструкцию: *«Исключение участника из корпоративной организации должно рассматриваться как крайняя и “высшая” мера корпоративной ответственности за существенное нарушение корпоративных обязанностей, причинившее корпорации вред в виде убытков или иных неблагоприятных последствий (например, невозможности достижения целей деятельности юридического лица)»* [10, с. 365]. Основаниями наступления такой ответственности должны быть, по общему правилу, противоправное поведение (существенное нарушение корпоративных обязанностей), наступление вреда, причинная связь между противоправным поведением и вредом, а также вина нарушителя. Отдельные отступления от этого правила, в том числе случаи безвиновной ответственности, должны быть прямо установлены в законе. При этом общим правилом для всех корпораций должен быть судебный порядок исключения участника из юридического лица.

Тем самым О. В. Гутников говорит о том, что само по себе регулирование исключения участника из общества (не только из общества, а из юридических лиц в целом) разработано недостаточно хорошо. Это приводит к разным трактовкам нормативных правовых актов, что влечет за собой достаточно субъективный взгляд разных судов на одну и ту же ситуацию [10].

Таким образом, основной проблемой применения исключения участника из общества как способа решения корпоративного конфликта, является само применение данной меры. Другими словами, из-за недостаточно понятного законодательного регулирования и отсутствия единых взглядов на данный институт страдают суды, которые вынуждены работать с тем, что есть. Тем самым в применении исключения участника из общества они несут на себе бремя большой ответственности. Ведь в том числе и от их решений зависит дальнейшая судьба жизнедеятельности общества.

Следует особо отметить отсутствие упорядоченного законодательного регулирования по данному вопросу, наличие противоречий между общими положениями ГК РФ и специальными законами, в частности Закона об ООО.

Список литературы

1. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах // Проблемы теории корпоративного права и практики применения корпоративного законодательства. М. : Статут, 2008. С. 308–310.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью : информ. письмо от 24 мая 2012 г. № 151 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 8.
3. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Рос. газ. 1998. 17 февр. (№ 30).
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
5. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» : постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 90/14 от 9 декабря 1999 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 12.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 дек. 2021 г. по делу № А53-28518/2019. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 мая 2022 г. по делу № А40-684/2021. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 26 мая 2009 г. по делу № А60-1503/2008-С2. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).
9. Постановление ФАС Центрального округа от 4 февр. 2014 г. по делу № А23-4847/2012. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 30.05.2025).
10. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2019. 488 с.

О вопросе возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела

© Сандаков Л. Д., 2025

Л. Д. Сандаков

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lo-don.sandakov@yandex.ru

Научный руководитель:

Е. В. Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kev300579@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ точек зрения, касающихся вопроса возвращения прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела. Рассмотрены проблемы, связанные с данным вопросом, а также исторический аспект обладания прокурором указанными полномочиями.

Ключевые слова: прокурор, возбуждение уголовного дела, полномочия прокурора.

В настоящее время прокурор занимает особую роль в уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство связано с повышенным вниманием государства к обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. В связи с этим законодатель наделяет прокурора определенными полномочиями, в том числе по отношению к органам предварительного следствия и дознания.

Данный вопрос особенно актуален на этапе возбуждения уголовного дела, поскольку на данном этапе у органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, появляются полномочия по существенному ограничению конституционных прав и свобод граждан.

Соответственно, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 146 выдвигает определенные требования к постановлению о возбуждении уголовного дела, в том числе указание на повод и основания его возбуждения уголовного дела, а также на то, что копия постановления незамедлительно должна быть направлена прокурору с целью проверки законности и обоснованности возбуждения уголовного дела [1].

В результате проверки законности и обоснованности возбуждения уголовного дела прокурор имеет право признать постановление о возбуждении уголовного дела необоснованным и противоречащим закону и отменить его своим постановлением. Справедлива и обратная ситуация, когда прокурор при наличии к тому достаточных оснований своим постановлением отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом у прокурора есть полномочие истребовать все материалы проверки об отказе в возбуждении уголовного дела с целью анализа объективности и полноты проведения доследственной проверки [2].

При этом сам прокурор лишен полномочия по возбуждению уголовного дела, что зачастую выступает предметом оживленной научной дискуссии.

Некоторые ученые указывают, что отсутствие у прокурора полномочий по возбуждению уголовного дела, а также расследованию уголовного дела в принципе противоречит статусу прокурора как лица, осуществляющего уголовное преследование и реализующего государственное обвинение по уголовному делу в суде [3, с. 115]. Кроме того, по мнению некоторых авторов, отсутствие данного полномочия напрямую влияет на нарушение прав потерпевших, в том числе путем затягивания сроков проверки сообщения о преступлении. Также указывается на то обстоятельство, что постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании не обладает заведомо большей юридической силой, нежели остальные поводы для возбуждения уголовного дела [4, с. 135].

С другой стороны, наличие у прокурора такого широкого спектра полномочий в досудебной стадии расследования уголовного дела может негативно повлиять на его надзорную деятельность. Это связано с тем, что прокурор так или иначе по действующему уголовно-процессуальному законодательству является стороной обвинения. В силу этого может произойти столкновение функций обвинения и надзора, что может повлечь за собой необъективность прокурора и предвзятое отношение к стороне защиты [5, с. 93].

Если углубиться в историю вопроса разграничения надзорной функции прокуратуры и функции расследования преступлений, то можно убедиться, что разграничение происходило последовательно и соответствовало определенной логике.

Так, в 2007 г. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» были отделены друг от друга функции прокурорского надзора и предварительного следствия, которые ранее осуществлялись следователями прокуратуры. Таким образом, при расследовании преступлений процессуальный контроль и прокурорский надзор осуществлялся в рамках одного ведомства. Вместе с тем из органов прокуратуры был выделен Следственный комитет при Прокуратуре РФ, в котором уже все полномочия ведомственного контроля, ранее принадлежавшие прокурору, были переданы руководителю следственного органа. При этом надзор прокурора за органами предварительного следствия был существенно урезан, и только с принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» прокурору вернулось такое важное полномочие на стадии возбуждения уголовного дела, как отмена постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела [6, с. 55].

Наконец, в 2010 г. был образован Следственный комитет РФ как самостоятельный орган, осуществляющий предварительное следствие по уголовным делам, что ознаменовало окончательное отделение функции предварительного следствия от прокуратуры.

Из вышесказанного можно заключить, что гипотетическое возвращение прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела хоть и относится исключительно к стадии возбуждения уголовного дела, однако подразумевает под собой возвращение прокурору функции предварительного расследования преступлений.

По нашему мнению, в настоящий момент возвращение прокурору соответствующих полномочий не имеет под собой фактических оснований, так как это нарушает баланс полномочий и процессуального положения сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем аргументы о том, что отсутствие полномочий возбуждать уголовное дело существенно ограничивает положение прокурора как представителя надзорного ведомства, на наш взгляд, не обладают достаточной степенью обоснованности, так как прокурор и без права возбуждения уголовного дела обладает существенным объемом полномочий на стадии возбуждения уголовного дела, а функции ведомственного контроля (которые включают в себя и полномочие по возбуждению уголовного дела) противо-

речат природе прокуратуры и ее деятельности как надзорного органа.

В то же время действительно существует проблема, связанная с тем, каким образом прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное дознавателем и следователем. В первом случае ч. 6 ст. 148 УПК РФ указывает, что в отношении дознавателя постановление отменяется безусловно, однако по отношению к следователю прокурор отменяет его постановление и направляет материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о достаточности проведенной проверки.

При этом законодатель раскрывает разницу полномочий прокурора по отношению к следователю и руководителю следственного органа, а также к органу дознания и дознавателю через слово «указания». В отношении дознавателя и органа дознания данное слово относится к прокурору, а в случае со следователем – к руководителю следственного органа. Представляется, что «указания» в данном случае означают обязательность их исполнения. При этом руководитель следственного органа может не согласиться с доводами прокурора, в результате чего может запуститься крайне сложная процедура обжалования прокурором решения руководителя следственного органа вышестоящему руководителю следственного органа. В этом смысле действительно можно говорить о частичной потере контроля за деятельностью органов предварительного следствия. Таким образом, формально прокурор лишен возможности самостоятельной и оперативной реакции на грубые, с его точки зрения, нарушения законности на стадии возбуждения уголовного дела [7, с. 14].

В данном контексте можно утверждать не о повышении независимости следователя по отношению к прокурору, а о повышении независимости следственного органа, что само по себе не означает повышение уровня соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса [8, с. 90].

Представляется, что указанную проблему необходимо преодолевать не путем возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела, а отталкиваясь от нынешних обстоятельств разграничения прокурорского надзора и ведомственного контроля. Например, следует вернуть прокурору полномочия по даче указаний следователю и руководителю следственного органа касательно возбуждения уголовного дела и уже после этого наделить руководителя следственного органа правом обжалования решения прокурора, а не наоборот.

Сторонники наделяния прокурора полномочием возбуждения уголовного дела правы в том, что на сегодняшний день именно механизм

взаимодействия прокурора со следователем и руководителем следственного органа является главной проблемой в обеспечении надзора за законностью на стадии возбуждения уголовного дела. Однако в данном случае у исследователей не возникает нареканий по аналогичному механизму, но применительно к органу дознания и дознавателю, в отношении которых указания прокурора носят обязательный характер и являются эффективным средством надзора.

Таким образом, целесообразно не возвращать прокурору несвойственную для него функцию возбуждения уголовного дела, что в

конечном итоге может смешать функции расследования преступлений и прокурорского надзора за расследованием преступлений, а расширять полномочия прокурора по надзору за органами предварительного следствия на стадии возбуждения уголовного дела путем распространения на последних практики отмены прокурором незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и дальнейшей дачи обязательных для исполнения указаний, в том числе по дополнительной проверке сообщений о преступлении и возбуждению уголовного дела.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Терентьева Е. Е. Проблема достаточности полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 115–122.
4. Ишбулатов И. И., Папышева Е. С. О необходимости возвращения полномочия прокурору на возбуждение уголовного дела // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1(75). С. 134–138.
5. Чукреев В. А. О применении компенсаторных средств прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 5. С. 93–99.
6. Веденеева К. А. Участие прокурора в возбуждении уголовных дел // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 1. С. 52–58.
7. Спирин А. В. О необходимости наделяния прокурора правом возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 9–16.
8. Тоштемирова Р. Ф., Гаврилов Б. Я. Следователь и руководитель следственного органа: проблемы взаимодействия // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 88–92.

Профессиональный контроль за деятельностью нотариусов: проблемы осуществления

© Худилова Д. В., 2025

Д. В. Худилова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: gavruseva95@bk.ru

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Освещаются актуальные проблемы осуществления профессионального контроля за деятельностью нотариусов. В ходе исследования делается вывод о необходимости реформирования действующего законодательства, что в целом и подчеркивает актуальность темы. На протяжении более чем десятилетия все исследования, которые связаны с деятельностью нотариусов, сводились к необходимости реформирования законодательства в данной сфере, так как Основы законодательства Российской Федерации о нотариате были приняты более тридцати лет назад, когда институт нотариата имел совершенно другие потребности в регулировании.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, контроль за деятельностью нотариусов, профессиональный контроль за деятельностью нотариусов.

В связи с тем что нотариус в нашей стране выступает важным органом обеспечения гражданско-правовых отношений, контроль за его деятельностью представляется инструментом, гарантирующим законность деятельности нотариата. Обращаясь к трактовке понятия «контроль за деятельностью нотариусов», необходимо сразу отметить, что в правовом поле оно отсутствует. В доктрине данному вопросу также уделено немного внимания.

Проведенное исследование позволило выделить узкий и широкий подходы к определению данного термина:

- в широком смысле это «специфический вид деятельности специально уполномоченных государственных органов, целью которых является обеспечение законности в сфере нотариальной деятельности» [1, с. 266];

- в узком смысле это «вид деятельности государственных органов, рассматриваемый как система наблюдения за фактическим состоянием и процессом функционирования органов нотариата в Российской Федерации с целью оценки обоснованности и эффективности принятых им управленческих решений и результата их выполнения, выявления отклонений от требований, сформулированных в этих решениях, устранение неблагоприятных последствий их исполнения и информирования о них компетентных органов» [Там же, с. 267].

Переходя непосредственно к профессиональному контролю за деятельностью нотариусов или, как указано в законодательстве, контролю за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, необходимо обратиться к Основам законодательства Российской Феде-

рации о нотариате (далее – Основы, Основы о нотариате). В них указано, что «контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы, т. е. органы юстиции, а нотариусами, занимающимися частной практикой, – нотариальные палаты» [2].

В научной литературе существует следующее определение профессионального контроля за деятельностью нотариусов: «это проверка исполнения профессиональных обязанностей нотариусами, которая направлена на выявление допущенных ошибок при совершении нотариальных действий и предупреждение их в будущем» [3, с. 559]. Далее Б. М. Гонгало в своем исследовании отметил, что «целями проверки профессиональной деятельности нотариусов являются контроль нотариальных палат за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц и соблюдение нотариусами требований законодательства РФ, нормативных актов субъекта РФ, Устава палаты, решений общего собрания нотариусов и правления палаты, выявление допущенных ошибок при совершении нотариальных действий, а также предупреждение их совершения в будущем» [Там же, с. 167].

Задачами, которые стоят перед исследуемым видом контроля, являются:

- контроль за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей;

- подготовка и представление на рассмотрение правления палаты заключений (справок) о проведенных проверках;

- совершение действий, которые бы явились направлением развития профессиональной нотариальной деятельности;

- совершенствование уровня профессиональных навыков нотариусов при помощи обобщения практики их деятельности;

- определение фактов, которые способствуют росту нарушений закона в сфере осуществления нотариальной деятельности именно с точки зрения их профессиональных компетенций.

Охарактеризуем существующие проблемы осуществления профессионального контроля за деятельностью нотариусов.

Обращает на себя внимание недостаточное законодательное закрепление правил осуществления такого контроля. Как указывают в доктрине, «это является проблемой, поскольку недостаточное правовое регулирование столь важного вопроса влечет неоднозначное, зачастую неверное толкование закона и, как следствие, – неоднозначную правоприменительную практику» [4, с. 127]. Основным и практически единственным документом, который регламентирует вопросы исследуемого контроля, являются «Методические рекомендации по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей», утвержденные решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 17 июня 2005 г. [5].

Существует и проблема соотношения форм контроля. В частности, профессиональный контроль за нотариусами, занимающимися частной практикой, осуществляется через корпоративные механизмы нотариальных палат [6]. В то же время контроль за законностью нотариальных действий осуществляется через судебную систему (ст. 33 Основ о нотариате). Параллельно нотариальный документооборот и администрирование подпадают под смешанный контроль со стороны нотариальных палат и Министерства юстиции, как указано в ст. 9 Основ о нотариате. Это порождает дискуссии о том, как эффективно координировать эти разнообразные формы контроля, и о правомерности их взаимного включения в общую систему проверок соблюдения нотариусами профессиональных стандартов, в том числе выполнения нотариальных действий и обеспечения надлежащего делопроизводства [7].

Представляется, что наилучшим способом обеспечения надлежащего выполнения нотариусами их должностных обязательств является смешанный подход к контролю, осуществляемый совместно нотариальными органами и структурами Министерства юстиции на равно-

правной основе. Этот механизм наиболее эффективно гарантирует непредвзятое и объективное регулирование в сфере оказания нотариальных услуг.

Также необходимо обратить внимание на предмет контроля за деятельностью нотариусов. Указанные нами ранее методические рекомендации, которые по сути являются основным источником правового регулирования исследуемого вопроса, относят к нему законность осуществления деятельности. Это также является и предметом судебного контроля за деятельностью нотариусов.

В рамках обсуждения данного вопроса эксперты выдвигают разнообразные точки зрения. Интерес представляет подход Е. В. Ломакиной. Она считает, что вопросы законности нотариального действия не должны подлежать контролю со стороны нотариальной палаты. Это обусловлено статусом нотариально оформленных документов как актов государственной важности, выполняемых от имени Российской Федерации. Данный аспект подчеркивает уникальность и главную характеристику нотариальных действий, делая их неподвластными контролю со стороны корпоративных структур [8, с. 164].

В качестве еще одного спорного предмета профессионального контроля выделяют «контроль за делопроизводством», который законодателем в ст. 9 Основ о нотариате выделен отдельно. В этом вопросе можно поддержать мнение специалистов, утверждающих, что, проводя проверки делопроизводства, нотариальные палаты иногда выходят за рамки своих законных полномочий, закрепленных в Основах. Исходя из этого, возникает аргументация в пользу того, что подобные аспекты не должны становиться объектом контроля в рамках оценки выполнения профессиональных обязательств нотариусами [9, с. 35].

В контексте рассмотрения соответствующего дела Верховный Суд РФ установил, что оценка законности действий нотариуса возможна исключительно через судебную инстанцию. Так, в силу ст. 33 Основ отказ в совершении нотариального действия или неправильное совершение нотариального действия обжалуется в судебном порядке [10].

Также отдельное внимание в доктрине уделено контролю за доказательствами, поступающими из сети Интернет. По мнению Т. Л. Курас и В. А. Абрамова, «необходимо предусмотреть возможность для нотариусов привлекать к обеспечению данного вида доказательств специалиста, однако законодательство не предоставляет нотариусам такого права, не содержит основания вовлечения в нотариальную процедуру специалиста, Основы о нем не упоминают, хотя профессиональный подход к любому ис-

точнику информации, находящемуся в сети Интернет, на сегодняшний день может обеспечить только специалист по информационным технологиям, он поможет нотариусу оптимизировать его работу, если в дальнейшем ответчик будет доказывать факт фальсификации доказательства, полученного из Интернета, то специалист сможет подтвердить в суде, что в момент осмотра нотариусом сайта никаких посторонних включений не было» [11, с. 54].

Следующая проблема, которую необходимо отметить, – это столкновение принципов деятельности нотариусов. Данная проблема в целом может быть отнесена ко всем видам контроля. Нотариусы играют ключевую роль в государственной системе защиты прав человека и гражданина, выполняя нотариальные действия в интересах лиц и общества. В этой связи им предоставляются определенные государственные полномочия для действий от лица Российской Федерации. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ такие действия требуют внимательного наблюдения и контроля со стороны государственных органов за проводимой нотариусом деятельностью в рамках оказания публичных услуг [12]. Суть нотариата предполагает автономию, необходимость обеспечения независимости нотариусов. Она обусловлена характером нотариальной работы, поскольку прямое участие государства в сделках между гражданами через нотариуса без предоставления ему автономии могло бы привести к недопустимо высокой степени зависимости лиц, участвующих в правоотношениях, от государственной власти. Вследствие этого в различных правовых системах, включая нотариат латинского типа, предусматривается достижение как можно более высокого уровня самостоятельности нотариусов от государства. Тем не менее, выполняя публичные функции, нотариус подпадает под государственный надзор, что создает необходимость в разработке механизмов контроля, способных учитывать уникальные аспекты нотариальной профессии и одновременно гарантировать их независимость. По мнению Г. Г. Черемных, вопрос разработки нормативов для проверки соблюдения нотариусами своих функций при одновременном гарантировании их независимости и права на профессиональное суждение всегда представлял собой значимую задачу для нотариальной системы России (цит. по: [13, с. 7]).

Другой проблемой является вопрос о том, кто должен осуществлять профессиональный надзор за действиями нотариусов. В настоящее время эта функция принадлежит нотариальным палатам. Обратившись к ст. 1 Основ о нотариате, мы видим, что «нотариальные действия выполняются нотариусами от имени Российской Фе-

дерации, то есть от имени государства» [14]. Исходя из представленной законодательной нормы, мы обнаруживаем, что полномочия по осуществлению нотариальных действий переданы нотариальным органам, и поэтому они исключаются из сферы контроля за деятельностью нотариусов, что все же представляется неверным.

Нотариальные палаты отличаются от государственных институтов, так как не создаются и не финансируются напрямую государством. Согласно законодательным актам нотариальные палаты классифицируются как профессиональные объединения некоммерческого характера, основанные на принципе обязательного членства для нотариусов, занятых в частной практике. Из этого следует, что контроль за профессиональной деятельностью осуществляется самими нотариусами в рамках нотариальной палаты. Такая модель внутреннего регулирования может вызывать вопросы о нейтралитете и независимости оценки профессиональных действий.

Многие эксперты утверждают, что для предотвращения недобросовестных действий со стороны нотариальных палат и в целях обеспечения прямого осуществления надзорных функций государства в данной области требуется изменение ст. 34 Основ законодательства о нотариате. Это изменение предполагает замену нынешнего профессионального контроля за выполнением нотариусами своих профессиональных задач на государственный контроль, который должен осуществляться Министерством юстиции и его региональными подразделениями [15, с. 8].

На наш взгляд, переход к такой модели контроля ставит под сомнение возможность существования нотариального самоуправления, которое сегодня так или иначе предусмотрено в деятельности частных нотариусов, а также сулит расцвет бюрократизации исследуемой деятельности.

М. Г. Матевосян высказывает мнение о том, что наилучшей моделью регулирования деятельности нотариусов является совместный контроль со стороны государственных органов, в частности территориальных управлений Министерства юстиции РФ и нотариальных палат. Такой подход обеспечивает объективность и непредвзятость при оценке работы нотариусов благодаря вовлечению представителей Минюста, отражающих интересы государства и добавляющих весомость проверкам. В то же время привлечение членов нотариальных палат позволяет использовать их профессиональные знания и опыт для повышения качества и эффективности контроля. Крайне важно четко урегулировать процесс такого контроля, чтобы исключить любые конфликты с другими формами контроля, прежде всего с судебным. По мнению указанного автора, следует внести соответствующие

изменения в порядок осуществления контроля. Их должны разработать Министерство юстиции России совместно с Федеральной нотариальной палатой для учета интересов как государства, так и нотариального сообщества [16, с. 275].

Отметим, что отдельные решения нотариальных палат, вынесенные по результатам осуществления профессионального контроля, затем оспариваются в суде. В качестве примера можно привести судебное решение Ленинского районного суда г. Ярославля. Им отменено решение Правления Ярославской областной нотариальной палаты от 14 августа 2019 г. о привлечении нотариуса к дисциплинарной ответственности в виде вынесения замечания по п. 9.2.19 Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации. Заявитель указывала, что нотариальная палата неверно оценила ее действия в качестве дисциплинарного проступка. Оценив в совокупности имеющиеся в деле доказательства, суд пришел к выводу, что факт нарушения нотариусом этических правил и норм культуры

поведения не нашел подтверждения в судебном разбирательстве, поскольку личное восприятие событий 21 февраля 2019 г., непонимание полученных консультаций, ожидание в конторе получения документов и желание продлить время приема не могут расцениваться как нарушение культуры поведения [17].

Таким образом, на практике возникают сложности, обусловленные пробелами в законодательстве, недостаточным правовым урегулированием порядка и условий проведения профессионального контроля, методики его применения и процедурой документирования выявленных нарушений. Можно говорить о существующей потребности в комплексной модернизации процесса контроля за профессиональной работой нотариусов. Представляется актуальным разработать и внедрить законодательный акт, определяющий понятие, объекты и цели контроля, его ключевые задачи и способы взаимодействия государственных органов и нотариальных палат в рамках этой деятельности.

Список литературы

1. Кулинская Е. Л. Контроль за деятельностью нотариуса // Академическая публицистика. 2022. № 5-2. С. 266-269.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462 (ред. от 24 июля 2023 г.) // Известия. 1999. № 3.
3. Гонгало Б. М. Учебное пособие для курсов повышения квалификации нотариусов / под ред. В. В. Яркова, Н. Ю. Рассказовой. М. : Волтерс Клувер, 2009. 636 с.
4. Чегоненко Ю. В. Профессиональный контроль как одна из форм контроля за деятельностью нотариусов // Административное и финансовое право: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по итогам работы международного круглого стола. 2018. С. 127-130.
5. Методические рекомендации по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей : утв. решением Правления ФНП от 17 июня 2005 г. № 04/05 // Нотариальный вестник. 2005. № 9.
6. Об утверждении Правил нотариального делопроизводства : приказ Минюста России от 14 декабря 2022 г. (ред. от 9 августа 2023 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Документ опубликован не был.
7. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации : утв. Минюстом России 19.01.2016 (ред. от 23 апреля 2019 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Документ опубликован не был.
8. Ломакина Е. В. Профессиональный и судебный контроль за деятельностью нотариуса // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. № 11. С. 161-173.
9. Смирнов С. В., Калининченко Т. Г., Бочковенко В. А. О контроле в сфере нотариата в свете грядущей реформы // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 32-36.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 за 2018 г. : Определение № 20-КГПР18-3 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
11. Курас Т. Л., Абрамов В. А. Придание нотариусами доказательственной силы информации, размещенной в сети Интернет // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1(48). С. 51-56.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
13. Коновалов А. М. О необходимости введения административной ответственности за неправомерный отказ в совершении нотариального действия // Нотариус. 2020. № 6. С. 6-10.
14. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462 (ред. от 24 июля 2023 г.) // Ведомости съезда НД РФ и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
15. Сойфер Т. В., Аюшеева И. З. Профессиональный контроль в нотариальном сообществе: реалии и перспективы // Нотариальный вестник. 2025. № 4. С. 5-15.
16. Матевосян М. Г. Некоторые проблемы контроля за деятельностью нотариусов в Российской Федерации // Актуальные проблемы национального и международного права : материалы V науч.-теоретич. конф. студентов магистратуры. СПб., 2022. С. 275-281.
17. Решение Ленинского районного суда г. Ярославля № 2-2208/2019 2-80/2020 2-80/2020(2-2208/2019);-М-2249/2019 М-2249/2019 от 18 февр. 2020 г. по делу № 2-2208/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mjR2CDNx0v1C/> (дата обращения: 27.10.2025).